

Попов.

Шлецер.

...

E $\frac{12}{23}$

Внучество мое. Генерал
Лининъ

Мамы,
мн.

3

Е. П.

23

ШЛЕЩЕРЪ.

РАЗСУЖДЕНИЕ О РУССКОЙ

ИСТОРИОГРАФІИ.

Соч. А. Топова.

Cizinské ruky pracowali posawad
na poli našich děgin, a každý cizi-
nec pracował, chtě nechtě, ke slave
swého, ne našého naroda.

Jan Kollar. Rozprawy o
Gmenach. 382.

Obcy pisarze więcej o nas pisali
aneżeli my sami. Nie możemy zupeł-
nie na wielu ich domyslnich zda-
niach polegać, one dictowane są mi-
łością swego, a nie naszego naroda.

Rakowiecky. Prawda. R. I. 252.

2007056697

ШЛЕЦЕРЪ.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ имя Шлецера непрерывно повторяется почти въ каждомъ сочиненіи по Русской исторіи. Его вліяніе такъ велико, что не только безусловные послѣдователи его направленія, но и тѣ, которые дерзаютъ возставать противъ него, на немъ же, бѣльшею частію, основываютъ свои изслѣдованія. Уваженіе къ его трудамъ достигло до такой степени, что его смѣло величаютъ *отцемъ Русской исторіи*. Названіе такъ громко, что каждому новому изслѣдователю на поприщѣ Русской исторіи само собою приходитъ на мысль, въ чемъ же состоитъ направленіе Шлецера, что сдѣлалъ онъ для Русской исторіи? Одни отвѣчаютъ: все! Безъ него Русская исторія не сдѣлала бы шагу впередъ; онъ первый внушилъ мысль о необходимости изданія лѣтописей и другихъ памятниковъ; онъ первый далъ исторической критикѣ ученое значеніе; онъ сдѣлалъ первый шагъ въ ученой обработкѣ Русской исторіи и указалъ дальнѣйшій путь своимъ послѣдователямъ.

Заслуги Шлецера не такъ велики, возражаютъ другіе. «Рѣзкій и полемическій тонъ, сарказмы при

обширной начитанности и весьма часто при справедливых замѣчаніяхъ, пріобрѣли ему тотъ авторитетъ, которому не легко рѣшаются противоборствовать юные, еще неопытные умы » (*). «Его критика основана на предположеніяхъ, подкрѣпляемыхъ часто насильственными толкованіями лѣтописи (**).» «Онъ не отецъ, но злой *вотчимъ* Русской исторіи (***)».

Изъ такихъ противоположныхъ мнѣній выходятъ два столь же противоположныя заключенія о заслугахъ Шлецера и его направленіи. Наука не можетъ остановиться на подобномъ противорѣчii и должна вновь спросить: въ чемъ же заключается направленіе, данное Шлецеромъ изученію Русской исторіи? Настоящее изслѣдованіе и будетъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но прежде, нежели приступимъ къ самому изложенію, считаемъ долгомъ замѣтить, что разборъ частныхъ мнѣній Шлецера не будетъ имѣть цѣлію доказать справедливо или ложно каждое изъ этихъ мнѣній порознь. Мы намѣрены представить во взаимной послѣдовательности и связи между собою и объяснить ихъ происхожденіе; потому разбору каждаго частнаго положенія Шлецера въ предлагаемомъ разсужденіи будетъ предшествовать вопросъ: на чемъ основывается то или другое его мнѣніе, на историческихъ ли данныхъ, или на принятомъ напередъ предположеніи; представляютъ ли они выводы изъ лѣтописей, или только ступени послѣдовательно развиваемаго основ-

(*) Венелинъ. Скандинавomanія. Москов. Наблюд. 1836 г. Окт. 1. 286.

(**) Ibid.

(***) Максимовичъ. Москвит. 1841.

наго предположенія? Положительное рѣшеніе сего вопроса само собою приведетъ къ надлежащему опредѣленію Шлецерова направленія и оцѣнить важность и значеніе его мнѣній въ наукѣ Русской Исторіи. Если каждое его мнѣніе основано на показаніяхъ лѣтописей, соображенныхъ между собою и оцѣненныхъ критически, въ такомъ случаѣ они имѣютъ важность *историческую*; если же они представляются только выводами изъ принятой напередъ гипотезы, то важность cadaго изъ этихъ мнѣній порознь будетъ только *логическою*, основанною на болѣе или менѣе строгой послѣдовательности съ первою гипотезою; дѣйствительное же ихъ достоинство будетъ измѣряться степенью основательности, вѣроятности, или справедливости самаго перваго предположенія. Кромѣ того, отдѣльныя мнѣнія Шлецера разобраны послѣдующими писателями и болѣею частію опровергнуты; между тѣмъ какъ вопросъ объ его направленіи, сколько намъ кажется, до сихъ поръ не былъ рѣшенъ окончательно.

II.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, кромѣ простаго, историческаго разсказа о происшествіяхъ, встрѣчаемъ личныя мнѣнія лѣтописателей, которыя указываютъ на нѣкотораго рода критическія соображенія (*). Въ

(*) Венелинъ указалъ на это въ отношеніи къ частному вопросу о переселеніи Славянъ (Скандинавоманія. Моск. Наб. 1836

первомъ нашемъ лѣтописцѣ, Несторѣ, встречаемъ подобныя мнѣнія. Такъ утверждаетъ онъ, что съ царствованія Михаила *начася прозывати Русска земля* (*); объ этомъ, онъ продолжаетъ, мы знаемъ потому, что при Михаилѣ Русь приходила на Царьградъ, какъ это пишется въ Греческомъ лѣтописцѣ; *тѣмъ же отсель почнемъ и числа положимъ*. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Несторъ различаетъ преданіе отъ письменныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи лѣтописи. Говоря *отсель почнемъ*, выражаетъ то мнѣніе, что письменные источники онъ цѣнитъ болѣе, нежели простое преданіе, на основаніи котораго онъ повѣствовалъ до сихъ поръ о Славянскихъ племенахъ. Онъ отыскиваетъ причины явленій и на нихъ основываетъ свои мнѣнія (**), оцѣниваетъ достоинство преданій и отличаетъ истинныя отъ ложныхъ (***). Въ такомъ видѣ продолжается лѣтопись до 2-й половины 11 столѣтія. Съ этого времени лѣтописецъ начинаетъ записывать современныя ему происшествія, и характеръ лѣтописи совершенно измѣняется. Просто, безъ всякихъ изслѣдованій, онъ повѣствуетъ о происшествіяхъ, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ, или слышалъ отъ

Окт. 1. 297 стр.); за нимъ Г. Максимовичъ высказалъ это, какъ общую мысль, въ отношеніи ко всемъ лѣтописцамъ и переписчикамъ (Откуда идетъ Русская земля, Кіевъ. 1837—57 и д.).

(*) Лавр. Полное собраніе Рус. лѣтописцевъ. I. стр. 7.

(**) Отъ Руси нача прозыватися Руска земля. Лавр. 9.

(***) Несвѣдуше рекоша, яко Кій есть перевозчикъ былъ у Києва, бо баше перенозъ тогда с оныя стороны Днѣпра. Аще бо бы перевозчикъ Кій, то не бы ходилъ къ Царюграду, но и Кій княжаше въ родѣ своемъ.

самовидцевъ. Такого рода современныя записки продолжаются почти до половины 17-го столѣтія, до Алексѣя Михайловича; «а онаго Государя дѣла,» говоритъ Татищевъ (*), и по немъ многія нужнѣйшія и особливо военныя остались въ забвеніи; не безъ такихъ хотя людей было, чтобы его дѣла описывали; но погибели оной причина учрежденная Тайная Канцелярія, которой опасаясь, писать не смѣли, или написанное истребляли.» Нельзя согласиться съ Татищевымъ, чтобы единственно эта причина остановила ходъ нашей исторіографіи; внѣшнія средства не останавливаютъ и не могутъ остановить внутренней потребности просвѣщенія идти впередъ. Сочиненіе Котошихина можетъ служить тому доказательствомъ. Нельзя было писать въ Россіи; оно написано въ Швеціи и, не смотря на то, въ Исторіи Русской исторіографіи заняло мѣсто вслѣдъ за послѣдними лѣтописями царствованія Михаила Феодоровича.

Прекращеніе лѣтописей и видимая пріостановка въ Русской исторіографіи зависѣла отъ того переворота, который совершался въ это время во всей жизни Русскаго народа, государственной, общественной и духовной.

Наши лѣтописи были искони выраженіемъ мысли всего Русскаго народа; потому въ исторіи лѣтописей видимъ измѣненія, соотвѣтствующія измѣненіямъ общественной жизни Россіи. Земля Русская выражается первоначально въ одномъ Кіевскомъ княженіи, все сходится къ одному средоточію, къ

(*) Татищ. Истор. Рос. 1 гл. 6—60. Истор. Швец. введ. 1 отд. въ концѣ.

матери Русскихъ городовъ, въ одно общественное цѣлое. И одна лѣтопись соотвѣтствуетъ этому времени, лѣтопись Нестора. Съ 12 столѣтія Русь распалась на удѣлы; мысль объ единствѣ земли Русской пребывала въ народномъ убѣжденіи или какъ воспоминаніе прошлаго, или какъ надежда на будущее, поддерживаемая духовнымъ единствомъ вѣры. Лѣтопись раздробилась на многія мѣстныя; явились особенныя лѣтописи Новгородъ, Пскова, Волыни, Суздаля и другихъ городовъ и земель. Но всѣ онѣ начинаются Несторомъ, всѣ сходятся въ единствѣ первоначальныхъ преданій. Съ единой державы Московскаго разрозненныя части древней Руси вновь соединились въ одно цѣлое. Лѣтопись изъ разныхъ и мѣстныхъ превращается въ одну сводную; таковы на пр. Степенныя Книги. Со времени Алексѣя Михайловича прекращаются лѣтописи. Въ это время, съ одной стороны, они начинаютъ принимать придворный характеръ: таковы дворцовыя записки царей Михаила и Алексѣя Михайловича; съ другой личный характеръ сочинителей, какъ Никоновская лѣтопись. Появленіе личнаго начала въ это время объясняетъ возможность такого рода сочиненій въ Русской исторіографіи того времени, какъ сочиненіе Котошихина. Шлецеръ говоритъ, что у Русскихъ сильно развито участіе къ своей исторіи, даже у полуобразованныхъ всегда найдешь лѣтопись, не говоря уже о монастыряхъ и частныхъ библіотекахъ. Отъ того такое множество списковъ лѣтописей. Если такъ было во время Шлецера, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ древней Россіи участіе къ своей исторіи было еще сильнѣе. Въ этомъ всеоб-

щемъ познаніи, въ этомъ согласіи съ жизнію дѣйствительною, лѣтопись находила свое оправданіе. Она не была наукою, объясняющею жизнь, будучи однимъ изъ ея выраженій. Въ эпоху переворота лѣтопись перестала быть голосомъ народа, не сдѣлавшись еще исторіею; она колебалась между личными мнѣніями и простымъ сборомъ фактовъ.

Привести въ согласіе частныя мнѣнія съ фактами, съ преданіемъ; возвести личное мнѣніе на общую ученую степень и оцѣнить преданія: такова была задача новаго времени, стало быть и задача Академіи въ отношеніи къ Русской Исторіи. Петръ Великій уже думалъ объ учрежденіи Академіи. Она была учреждена въ 1724 году, 20 Января, и 22 числа того же мѣсяца утвержденъ для нея уставъ, написанный Блюментростомъ. Цѣль Академіи, какъ сказано въ самомъ указѣ, состояла въ томъ, *чтобы науки производить и совершать*. При Академіи была учреждена кафедра Русской Исторіи и ученый Байеръ занялъ ее первый, за нимъ Миллеръ и наконецъ Шлецеръ, въ своихъ ученыхъ трудахъ довершившій и выразившій вполне направленіе своихъ предшественниковъ.

Положеніе Шлецера въ Академіи, сдѣлавшагося первоначально адъюнктомъ кафедры Миллера, условливалось его значеніе въ отношеніи къ Русской Исторіи; но еще болѣе это отношеніе *опредѣлилось* его личнымъ характеромъ. Чтобы *опредѣлить* этотъ характеръ, обратимъ вниманіе на жизнь Шлецера.

II.

Августъ Людвигъ Шлецеръ родился 5-го Іюля 1735 года въ Гогенлоэ-Кирхенбергъ; его отецъ былъ протестантскимъ священникомъ. Окончивъ ученіе въ городской школѣ, онъ поступилъ въ аптеку, потомъ на 16 году, перешелъ въ Виттенбергскій Университетъ, и наконецъ Геттингенскій (1754), гдѣ занимался Богословіемъ и защищалъ диссертацию *de vita Dei*. «Будучи еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, говоритъ его біографъ (*), онъ велъ свой дневникъ, собиралъ всѣ получаемыя имъ письма, анекдоты, пословицы и составлялъ реестры книгамъ.» Въ Университетѣ Мозгеймъ, преподававшій церковную Исторію, и особенно Михаэльсъ привлекли его вниманіе. Въ это время въ Германіи успивалось то раціональное направленіе, которое въ концѣ прошлаго столѣтія дошло до своей крайности. Послѣ прекращенія войнъ Фридриха Великаго, для Германіи наступилъ долготѣйшій миръ. Внѣшнее броженіе остановилось и внутреннія силы пришли въ движеніе. Съ одной стороны вырабатывалась начала, для новаго блестящаго періода Германіи въ литературномъ и ученомъ отношеніи; съ другой, отживало и разрушалось старое: и схоластическая неподвижность науки и разрозненность общественной жизни. Мозеръ столько же возставалъ противу закоренѣлыхъ политическихъ привычекъ, унизившихъ челоѣка, сколько и противъ «породы

(*.) Schloetzer v. Boeck. Hann. 1844. 16.

людей, называемыхъ профессорамъ,» какъ онъ выражается, ремесленною неподвижностію унижавшихъ науку. Клопштокъ, Фоссъ и Бюргеръ приготавливали будущее развитіе поэзіи; критическое направленіе Лессинга пробуждало народное сознаніе, а раціонализмъ отрывалъ науку отъ старыхъ преданій и погружалъ въ новыя изслѣдованія. Труды Гесснера уже начинали предвѣщать новое движеніе филологін; Вилкельманъ издалъ археологію и исторію искусства. Мысль о Германской народности сильно пробудилась въ это время и предвѣщала другую мысль объ единствѣ въ Германіи. «Михаэлисъ,» какъ говоритъ біографъ Шлецера (*), библейскія древности очищалъ отъ Іудейскихъ и Іезуитскихъ затѣй, и объяснялъ посредствомъ филологін и естественныхъ наукъ Моисеево право.» Михаэлисъ любилъ Шлецера и, заботясь о немъ, доставилъ ему мѣсто учителя въ Швеціи.

Въ Упсалѣ и потомъ въ Штокгольмѣ (1755—59) Шлецеръ занимался естественными науками, восточными языками, исторіею и политикою, къ которой его привлекли современныя ему происшествія въ Швеціи. Оттуда онъ отправился въ Любекъ съ цѣлію найти средства ѣхать на Востокъ. Въ Любекѣ онъ пробылъ около двухъ лѣтъ, продолжая свои прежнія занятія и сверхъ того изучая науки математическія и торговлю. Онъ думалъ войти въ сношеніе съ какимъ-нибудь торговымъ домомъ и устроить поѣздку на Востокъ; между тѣмъ получилъ приглашеніе ѣхать въ Россію. До сихъ поръ труды

(*) Ibid. 17.

Шлецера состояли въ многосложныхъ приготовленіяхъ; разнообразныя предметы входили въ составъ его ученой дѣятельности, ни на чемъ еще не успѣвшей сосредоточиться. «Многосторонность дастъ самостоятельность,» говоритъ его біографъ: «разнородныя занятія пробуждаютъ и сохраняютъ особенность таланта; между тѣмъ какъ раннее погруженіе въ одинъ предметъ сокращаетъ кругъ зрѣнія и уничтожаетъ плодovitость даже лучшихъ умовъ» (*). Въ Россіи нѣсколько сосредоточилась дѣятельность Шлецера; исторія сдѣлалась, если не исключительнымъ, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ предметомъ его занятій. Но его дѣятельность выразилась вполне только въ Геттингенѣ, куда онъ возвратился изъ Петербурга и провелъ остальное время жизни (1769 — 1809), занимая катедру исторіи и статистики въ тамошнемъ Университетѣ. Къ этому времени принадлежатъ важнѣйшія сочиненія Шлецера. Вся его дѣятельность была непрерывно посвящена преподаванію, литературѣ и журналистикѣ, исключая двухъ кратковременныхъ путешествій въ Парижъ и Италію.

Шлецеръ думалъ черезъ Францію проѣхать только въ сѣверную Италію и Испанію; но Парижъ такъ сильно привлекъ его вниманіе, что онъ прожилъ тамъ все время, предназначенное для путешествія. Онъ не только помирился съ Французами, но призналъ ихъ первымъ народомъ въ мірѣ. Практическое направленіе Парижанъ, къ которому отъ природы Шлецеръ имѣлъ склонность, увлекло его совершенно.

(*) *Ibid.* 18.

Италія произвела на него впечатлѣнія другаго рода. Съ восторгомъ онъ въѣхалъ въ Ломбардію; но этотъ восторгъ зависѣлъ отъ перемѣны мѣста, быстрого перехода изъ одного города въ другой, отъ самаго путешествія, всегда пріятнаго для живаго, дѣятельнаго характера. О видахъ прекрасной природы онъ заботился мало и еще менѣе о произведеніяхъ искусства (*). Они надоели ему послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія его въ Римѣ. И между тѣмъ какъ другіе, не замѣтно увлеченные прелестію искусства, посвящаютъ годы на изученіе памятниковъ, собранныхъ въ вѣчномъ городѣ, Шлецеръ занимался статистикою Папской области и внимательно замѣчалъ за всѣми мелочами одеждъ Римскихъ жителей и за погодой. Такой недостатокъ художественнаго чувства Шлецеръ выразилъ въ своемъ взглядѣ на исторію древней Греціи. Онъ ничего не находилъ въ ней достойнаго вниманія историка: «ея государства были слабы и безсплыны, ея просвѣщеніе касалось предметовъ ничтожныхъ, любовь ко внѣшней красотѣ и искусствамъ преувеличена, религія глупа и не могла дѣйствовать на сердце,» (**) и т. п.; не перечисливъ всѣхъ браней, которыми осыпаетъ Шлецеръ непонятую имъ Грецію. Въ исторіи Италіи онъ также

(*) *Pompos führen wir gestern in Italien ein. . . . Doch ich mache mir nichts aus Gegenden, aber die Leute sind scharmant. . . . Gestern Abend holten wir frische Citronen aus des H. Guisti Garten; auch bekamen wir Abendmusik auf der Strasse; bezahlten wir nichts, sonst wäre des Ding kein Ende worden.* Письмо изъ Вероны 29 Нояб. 1791. *Böck. стр.* 37.

(**), *Ibid.* 69.

не замѣчаетъ ничего, кромѣ панизма и бранить его какъ протестантъ и раціоналистъ.

Путѣшества должны были доставить Шлецеру познаніе дѣйствительнаго состоянія всей Европы, развитъ въ немъ тотъ смыслъ къ дѣйствительной жизни, котораго такъ мало у Нѣмецкихъ ученыхъ. Но это вліяніе на Шлецера, какъ ученаго, условливалось его отношеніемъ къ наукѣ и тѣмъ состояніемъ самой науки въ Германіи, въ какомъ она находилась въ его время. Въ общемъ направленіи она далеко не достигала до общечеловѣческихъ началъ, которыя могутъ развитъ въ человѣкѣ сочувствіе съ происшествіями различныхъ странъ и народовъ, и пробудить то глубокое чувство истины, которое независимо отъ временныхъ и случайныхъ явленій. Только предчувствіе этихъ началъ руководило наукой, обремененной дробными изслѣдованіями частныхъ явленій, едва начинавшихъ строиться въ цѣлое. Изъ Россіи Шлецеръ вывезъ многочисленные матеріалы для своихъ ученыхъ трудовъ; послѣ путешествія во Францію написалъ книгу о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя путешественнику; въ Италіи собралъ нѣсколько рукописей и данныхъ для статистики. Онъ не имѣлъ даже ни одной готовой общей мысли, которую развивая, можно бы логически построить, про свой обиходъ, систему и подъ ея угломъ смотрѣть на явленія, какъ дѣлали многіе изъ его современниковъ. Безсвязно онъ принималъ разнородныя впечатлѣнія со всею силою ихъ разнородности, одно изъ нихъ закрывало другое и общимъ слѣдствіемъ всѣхъ оставался одинъ безразличный взглядъ, хладнокровное *nil admirari*, какъ говоритъ самъ Шлецеръ, вотъ что доставили

ему путешествія. Не смотря на это безразличное отношеніе ко всему, опредѣляющее особенность Шлецера взгляда, его отъ природы практической умъ долженъ былъ еще сильнѣе развиться вслѣдствіе путешествій.

Самая сильная сторона Шлецера заключалась въ его практическомъ вліяніи на современниковъ. «Никто не дѣйствовалъ такъ сильно на свое время, какъ Шлецеръ; съ полною справедливостію о немъ, какъ объ ученомъ журналистѣ, можно сказать, въ отношеніи къ Германіи, то же, что говорили о Вольтерѣ: *es fer auf eine Macht*»; такъ говоритъ объ немъ Гееренъ (*). «Сильная энергія заставила Шлецера всѣмъ вопросамъ науки придавать практическое значеніе. Въ область отвлеченныхъ изслѣдованій онъ удалялся только тогда, когда обстоятельства прекращали его практическую дѣятельность. Вліяніе Шлецера было такъ сильно, что Марія Терезія, выслушавши однажды рѣшеніе Государственнаго Совѣта, отвѣчала: нѣтъ, это не годится, что скажетъ объ этомъ Шлецеръ! Такое значеніе Шлецера зависѣло отъ того, что онъ явился первымъ вполне народнымъ писателемъ, котораго дѣятельность постоянно имѣла практическое направленіе. Каждый, болѣе или менѣе замѣчательный случай былъ описанъ Шлецеромъ, обсужденъ, саркастически осмѣянъ, или поощренъ. Свобода книгопечатанія, которою пользовался Геттингенъ, давала ему возможность высказывать вполне свои мысли; неутомимая постоянная дѣятельность,

(*) *Historische Werke*. VI. 498. — *Wdck*, 512.

всегда рѣзкій, повелительный строй рѣчи, украшенной ѣдкою насмѣшкою, придавалъ силу его словамъ(*).

Въ это время просвѣщеніе въ Германіи не было распространено равномерно во всемъ народѣ; одни высшіе слои общества считались образованными и по праву образованности презирали низшихъ, лишенныхъ всякаго участія въ общественной и государственной жизни. Литература не имѣла общаго народнаго значенія, наука удалилась отъ всякаго участія въ дѣйствительной жизни. Шлецеръ первый высказалъ значеніе писателя и литературы, какъ выраженія мысли самого народа, стремился образовывать общественное мнѣніе и гналъ старые предрассудки, мѣшавшіе осуществленію этой мысли. Строго и послѣдовательно онъ проводилъ свою мысль по всемъ ступенямъ ему современной общественной жизни Германіи. Статистика и политика составляли любимые предметы его занятій. Многочисленные данныя для статистики, собранные Шлецеромъ въ его сочиненіяхъ, никогда не были имъ построены въ одно цѣлое, заслуживающее названія науки. Въ теоріи этой науки онъ слѣдовалъ Ахенвалю, и его статистика представляетъ простое собраніе данныхъ, рассмотрѣнныхъ съ практической точки зрѣнія. Политика въ изслѣдованіяхъ Шлецера точно также не достигаетъ до степени науки. Безъ условной системы, безъ ученой полноты, онъ разсматриваетъ историческія

(*) Въ 1775 г. Шлецеръ издалъ *Versuch eines Briefwechsel*; въ 1777 по 1782 издавалъ журналъ съ 1783 по 92 *Staatsanzeigen*; статистика и современная политика составляли главнѣйшее содержаніе сихъ изданій.

данныя, разлагаетъ и обсуживаетъ. Сама исторія представляется ему собраніемъ данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія политическихъ вопросовъ. Въ его историческихъ разсказахъ вездѣ замѣтна то одна, то другая личная мысль, которую онъ постепенно преслѣдуетъ,—мысль, имѣющая непременно практическое значеніе.

Но кромѣ практической стороны, въ ученикѣ Михаэлиса и Гесснера была другая, которая придавала высшее значеніе и силу его практическому вліянію. У него были общія начала, коренныя мысли, которымъ онъ оставался вѣрнымъ во все продолженіе своей ученой дѣятельности. Исторія представлялась ему, какъ одно стройное цѣлое, и къ открытію этого цѣлаго стремились всѣ его изслѣдованія. Первоначально онъ занимался исторіями отдельныхъ народовъ, писалъ исторію Брауншвейга, Турціи, Молдавіи, Саксоніи и Индіи, думая, какъ говоритъ его біографъ (*), посредствомъ исторій отдельныхъ народовъ придти къ всеобщей. По это намѣреніе, какъ невозможное, скоро оставилъ Шлецеръ и написалъ свой идеалъ всеобщей исторіи, гдѣ выразилъ ту мысль, что единство всеобщей исторіи, какъ науки, вовсе не заключается въ простомъ соединеніи разсказовъ о жизни отдельныхъ народовъ, но въ общей мысли, управляющей всѣмъ повѣствованіемъ. Прошедшее соединить съ настоящимъ и опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, вотъ основное начало Шлецера, какъ историка. Однако оно осталось безъ приложенія; Шлецеръ не написалъ исторіи и только ограничился простымъ обо-

(*) Ibid. 54.

зрѣніемъ, въ которомъ разсуждаеть о вѣтшнемъ порядкѣ повѣствованія, о тѣхъ главахъ и отдѣлахъ, на которые оно должно распадаться, и о томъ порядкѣ, въ которомъ одна глава должна слѣдовать за другою. Точно также какъ, разсуждая о различныхъ предметахъ статистики, онъ не создалъ науки, но начертилъ для нея планъ; такъ обозрѣвая разрозненные политическіе вопросы, разсуждалъ о тѣхъ началахъ, на которыхъ должна быть основана наука политики. Общія начала науки не были вполне сознаваемы Шлецеромъ, и руководили болѣе, какъ простое предчувствіе его ученою дѣятельностію, направленною на отдѣльные вопросы, всегда имѣвшіе практическое значеніе. Иногда они выражались въ отдѣльныхъ мысляхъ и замѣчаніяхъ, но всегда разрозненныхъ, и потому сознанныхъ и высказанныхъ односторонно, не въ связи съ другими, не въ общемъ единствѣ науки, умѣряющемъ строптивость отдѣльной мысли.

Эта борьба двухъ противоположныхъ направленій, ученаго и практическаго, въ характерѣ Шлецера, положила свой отпечатокъ на всѣ его произведенія. Въ нихъ нѣтъ той художественной оконченности, которая необходимо предполагаетъ полное соединеніе мысли и факта; онъ стоитъ въ срединѣ между тѣмъ и другимъ и только приготовляетъ ихъ будущее соединеніе. Недостатокъ художественности отражался даже и въ языкѣ Шлецера; онъ не понимаетъ, что такое слогъ, говорилъ о немъ Іоаннъ Миллеръ. Онъ представляетъ факты въ чернѣ, какъ ихъ предлагаетъ преданіе, и потомъ обрабатываетъ при свѣтѣ, рядомъ съ ними поставленной и вовсе отъ нихъ не зависящей,

мысли. Потому его точка зрѣнія критическая. Шлецеръ критикъ въ самомъ исключительномъ смыслѣ этого слова. Въ своихъ трудахъ онъ только вырабатываетъ матеріалы и чертитъ планъ для будущаго зданія науки. Самъ Шлецеръ говоритъ объ исторіи Сѣвера, важнѣйшемъ изъ своихъ произведеній, что это только приготовленіе для будущей исторіи, которую онъ оставляетъ своимъ пресмникамъ (*). То же можно сказать и объ его трудахъ по части Русской исторіи.

Въ трудахъ Шлецера отразился его личный характеръ, который въ свой чередъ былъ отраженіемъ характера его времени. Это время было переходомъ къ эпохѣ самостоятельнаго народнаго развитія Германіи. Остатки стараго еще боролись съ началами новаго времени, выражавшимися въ школахъ поэтовъ и еще немногихъ ученыхъ. Нужно было очистить поле отъ старыхъ предразсудковъ, чтобы новое могло развиться во всей полнотѣ; выдвинуть отжившее прошлое изъ жизни настоящаго. Этотъ подвигъ и предпринялъ Шлецеръ. Его дѣятельность была направлена на это прошлое или, лучше сказать, на остатки прошедшаго, которые существовали въ томъ настоящемъ, въ которомъ онъ жилъ. Любовь къ родинѣ, проникавшая все существо Шлецера, давала ему возможность предчувствовать, даже предвидѣть начала будущей эпохи, но не выразить.

Таковъ былъ человекъ, призванный въ Россію обработывать ея исторію.

(*) Hall. allg. Weltg. XXXI. 262. Feeren упом. сочиненіе 504.

III.

Передъ прїѣздомъ Шлецера въ Россію, катедра Русской исторіи въ Академіи наукъ была занята Миллеромъ. Но Миллеръ профессоромъ отправился путешествовать въ Сибирь, а возвратился исторіографомъ имперіи. Во время его отсутствія и даже по возвращеніи, когда его академическая дѣятельность была развлечена другими занятіями, Нѣмецкая партія въ Академіи обезспѣла и Русская начинала торжествовать. Ломоносовъ принялся обрабатывать Русскую исторію. Начальникъ академической канцеляріи и библіотекаръ Таубертъ непріязненно смотрѣлъ на паденіе Нѣмецкой партіи и желалъ ей дать снова перевѣсъ. Скоро представился удобный для этого случай (*).

Профессоръ Русской исторіи Миллеръ, ученый мужъ своего времени, но, къ несчастію, какъ говоритъ Шлецеръ, мало знавшій Русскій языкъ (**), нуждался въ помощникѣ при своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Этому помощнику слѣдовало быть знакомымъ съ современнымъ состояніемъ наукъ въ Германіи (стало бытъ для этого не годился ни одинъ изъ Русскихъ) и особенно онъ обязывался — пріобрѣсти ученныя познанія въ Русскомъ языкѣ. Таковы были требованія Академіи. Миллеръ, напечатавъ объ этомъ въ Кёнигсбергской газетѣ, потомъ

(*) Schldzer's Leben von ihm selbst beschrieben. Götting. 1802. (Съ 1761—65.).

(**) Ibid. стр. 3.

обратился съ просьбою къ Бюшингу; Бюшингъ къ Михаэлису, и выборъ Михаэлиса палъ на Шлецера.

Въ это время въ Европѣ распространился кругъ всеобщей исторіи; ожилъ давно забытый Востокъ, и его чудная исторія на необработанное, но великое поприще призывала новыхъ дѣятелей. Многіе молодые ученые заранѣе посвящали себя на изученіе Востока и готовились къ этому. Изъ числа такихъ былъ Шлецеръ (*). Онъ собирався ѣхать въ Аравію и Индію въ то время, какъ получилъ приглашеніе изъ Россіи. Незадолго передъ тѣмъ въ Европѣ прошелъ слухъ о лѣтописяхъ Китайскихъ и Русскихъ. Познаніе и обработка тѣхъ и другихъ должны были наполнить огромный пробѣлъ во всемірной исторіи. Шлецеръ, живо ощущавшій мысль о всеобщей исторіи, которая не могла осуществиться безъ познанія Русской, не могъ не согласиться на это призваніе. Въ 1761 году онъ отправился въ Россію. Его привлекала неизвѣстность ея исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся въ академической библіотекѣ найти богатые запасы для исторіи Востока. Не покидая своего намѣренія, въ Россіи онъ думалъ скорѣе найти случай отправиться въ Индію. Только на перепутьи онъ думалъ заняться Русскою исторіею; но это перепутье окончило его путь, и Русская исторія въ лицѣ Шлецера пріобрѣла великаго дѣятеля.

Миллеру нуженъ былъ безсмысленный труженникъ, простой ремесленникъ на ученомъ поприщѣ. Самостоятельная сила Шлецера не сжилась съ раб-

(*) Ibid. 1-er Abschn.

скою покорностію. Помощникъ Миллера выступилъ самостоятельнымъ дѣятелемъ въ Академіи, сначала какъ адъюнктъ исторической каѳедры, а потомъ съ 1765 года, какъ ординарный профессоръ. Миллеръ думалъ быть его покровителемъ и сдѣлался врагомъ. Таубертъ помогъ Шлецеру получить ординарную каѳедру и въ его лицѣ торжествовалъ побѣду Нѣмецкой партіи въ Академіи.

Такимъ образомъ положеніе Шлецера въ Россіи совпало съ его характеромъ. Практическія волненія, совершавшіяся подъ знаменемъ науки, вполне сроднились съ Шлецеромъ и опредѣлили его ученую дѣятельность. Онъ сталъ поборникомъ Нѣмецкой партіи и врагомъ Русской, которой главою въ это время былъ Ломоносовъ. Но это практическое значеніе Шлецера, по видимому, очищалось отъ личнаго пристрастія его ученымъ направленіемъ; онъ сдѣлался представителемъ науки и упрекалъ всѣхъ Русскихъ въ недостаткѣ ученаго направленія. Вотъ, что онъ говоритъ о всѣхъ трудахъ, ему предшествовавшихъ: « правда, давно стали печатать въ Россіи краткія и пространныя сочиненія о Русской исторіи, начиная съ Синописа до Краткаго Лѣтописца; но нѣтъ ни одного изъ нихъ, изданнаго настоящимъ *ученымъ историкомъ*, который, по крайней мѣрѣ, долженъ знать Латинскій, Нѣмецкій и Французскій языки и иностранную литературу. Татищевъ, Ломоносовъ, Эмманъ и Щербатовъ не могли издать ничего *полезнаго*; потому уже, что сами не имѣли *очищеннаго источника*, изъ котораго могли бы черпать. А при Русскихъ лѣтописяхъ болѣе *нежели при другихъ*, нужно критическое очищеніе. Но если бы все до сихъ

поръ въ Россіи напечатанное и не было ощутительно дурно, недостаточно и невѣрно; если бы не было никакихъ доказательствъ невѣжества, которыя отвращаютъ ученаго историка, то и въ такомъ случаѣ публика желаетъ все видѣть своими глазами. Она не повѣритъ тому, что скажетъ ей читатель лѣтописей, она захочетъ удостовѣриться сама» (*). Изъ послѣднихъ словъ Шлецера можно было бы заключить, что въ Россіи не было издано ни одной лѣтописи, и читатели принуждены были вѣрить на слово своимъ историкамъ, не имѣя возможности слѣдить ихъ рассказы съ источниками; но въ это время уже были изданы лѣтописи Никоновская, Радзивилловская, Архангелогородская и Новгородская. Самъ Шлецеръ, говоря (**) далѣе объ изданіи лѣтописей, считаетъ число изданныхъ достаточнымъ и совѣтуетъ приступить къ критическому изданію лѣтописи. И такъ Русскимъ писателямъ, ему предшествовавшимъ, не доставало практическаго изданія лѣтописи, или, лучше сказать, не доставало въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ критическаго взгляда на лѣтописи, которыми они пользовались. Если отдѣлить все пристрастное отъ словъ Шлецера, то мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что критическій взглядъ и приемы его Русскихъ предшественниковъ не соответствуютъ требованіямъ науки, ему современной. Но этотъ упрекъ, который Шлецеръ только дѣлаетъ Русскимъ, еще съ бѣльшею силою относится къ Нѣмцамъ. Единственно учеными писателями по части Русской

(*) Несторъ. I. введ. рѣз. рѣн.

(**) Ibid. I. приб. 409 и 10.

исторіи онъ называетъ Байера и Миллера; Байеръ, который будучи профессоромъ Русской исторіи, не зналъ по-Русски, и во все время своей профессуры трудился надъ составленіемъ Китайскаго словаря, котораго сочиненія едва соприкасались съ самыми неважными вопросами собственно Русской исторіи, могъ ли быть ученымъ писателемъ въ отношеніи къ ней? О Миллеръ, котораго заслуги не могутъ быть неуважены, вотъ, что говоритъ далѣе самъ Шлецеръ: (*) «онъ на 30 лѣтъ отсталъ отъ современнаго состоянія науки въ Германіи, не зналъ Шведскихъ писателей, необходимыхъ при его направленіи и тоже мало зналъ по-Русски.» Почтенны труды Русскихъ писателей, предшествовавшихъ Шлецеру, и преимущественно Татищева, до сихъ поръ еще мало оцѣненнаго; Русская исторіографія замѣтитъ и сочиненія нѣкоторыхъ Нѣмцевъ и особенно Миллера; а строгій и пристрастный приговоръ Шлецера вынуждаетъ ученую критику столь же строго, но безпристрастно взглянуть на его собственные труды.

Шлецеръ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ Русской исторіи. Высказавъ свое мнѣніе о трудахъ ему предшествовавшихъ, онъ говоритъ: «тогда я вознамѣрился памятники Русской древности обработать такъ, какъ это до сихъ поръ дѣлалось у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. (*)» Онъ хотѣлъ возвести Русскую исторію на степень науки; профессоръ Академіи желалъ оправдать ея призваніе. Возвести на степень науки исторію, которой, по

(*) Автобіогр. Шлец. 39. Müller.

(**) Несторъ. I. введ. V. рин.

словамъ самого Шлецера: «нѣтъ равной въ лѣтописяхъ всѣхъ временъ и земель (*)»—дѣло великое; его-то предпринялъ Шлецеръ.

Черезъ три года послѣ пріѣзда въ Россію (1764), онъ подалъ въ Академію записку о томъ, какъ слѣдуетъ обрабатывать Русскую исторію. Правила имъ предложенныя были повторены въ предисловіи къ Кенигсбергскому списку (1767), въ *Probe der russischen Annalen* (1768), и наконецъ осуществились въ его Несторѣ. «Все, до сихъ поръ мною сдѣланное,» говоритъ Шлецеръ: (**) «состояло только въ предначертаніи и теоріи, въ Несторѣ я привожу свою теорію въ исполненіе.» Это произведеніе представляетъ послѣдній и полный итогъ его многолѣтнихъ трудовъ; оно имѣло огромное вліяніе на всю нашу историческую литературу. Шлецеръ называетъ его первымъ опытомъ, (***) но такимъ, который долженъ служить основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ (****), какъ опытъ ученый. Онъ не только приготавливаетъ появленіе ученаго направленія въ Русской исторіи, но начинаетъ его самъ; не только вырабатываетъ одни факты, но чертитъ самый планъ науки и высказываетъ ея начала. Разсмотрѣть эти начала, повѣрить планъ и обработку фактовъ, таково дѣло критики въ отношеніи къ Шлецеру.

(*) Ibid. I. предув. XXXV.

(**) Ibid. I. 394. приб. 2.

(***) Ibid. Пред. I. XIII.

(****) Ibid. IX.

IV.

Издание лѣтописей и другихъ памятниковъ и критическая обработка оныхъ составляютъ условіа, при которыхъ только исторія каждаго народа можетъ взойти на степень науки.

Мысль объ изданіи Русскихъ лѣтописей принадлежитъ великому преобразователю Россіи, Петру. Въ 1716 году, проѣзжая черезъ Кенигсбергъ, онъ осматривалъ тамошнюю библіотеку. Ему показали Радзивилловскаго Пестора, и онъ приказалъ сдѣлать съ него самый вѣрный противень и отослалъ его въ Россію. «Онъ не зналъ,» говоритъ Шлецеръ, «что дома у него были списки гораздо лучше этого (*)». Слава Петра, неожиданно поразившая Европу, возбудила желаніе познакомиться поближе съ Россіею и узнать ея исторію. Петръ Великій открылъ свободный доступъ всѣмъ чужеземцамъ, а иностранные ученые нашли постоянный пріютъ въ новоучрежденной Академіи. Мысль объ ученой Русской исторіи съ первымъ спискомъ лѣтописи, предназначеннымъ для печати, пришла къ намъ изъ за границы. Въ 1722 году, 16 Февраля, Высочайшимъ указомъ повелѣно было всѣмъ монастырямъ и епархіямъ присылать въ Синодъ находящіяся у нихъ лѣтописи. Миллеръ, первый иностранный профессоръ, знавшій немного по-Русски, требовалъ изданія лѣтописей. Болтинъ усиливъ это требованіе и желалъ не только изданія и сличенія

(*) Песторъ Введ. отд. V. 103.

лѣтописей, но и открытія государственнаго архива для обнаруживанія другихъ памятниковъ. Академія приступила къ изданію Кенигсбергскаго списка, а Синодъ, вслѣдствіе указа 1780 года, къ изданію Новгородскаго, Архангелогородскаго и друг. Къ своимъ предшественникамъ Шлецеръ присоединилъ громкій голосъ; но онъ уже измѣнилъ характеръ первоначальныхъ требованій. Онъ считалъ необходимымъ издать *Нестора*, принимая его лѣтопись за *первый и единственный источникъ* нашей древней исторіи (*). «Я не думаю,» говоритъ онъ, «чтобы теперь нужно было издавать болѣе списки *порознь*, какъ это понялъ св. Синодъ, получа указъ 1780 года. Для общаго познанія сихъ рукописей довольно уже Никоновскаго, Радзивилловскаго, Архангелогородскаго, Новгородскаго и изданныхъ Татищевымъ (**).»

Такимъ образомъ требованія Шлецера существенно отличаются отъ предшествовавшихъ ему. Онъ не считалъ нужнымъ отдѣльныхъ изданій каждой лѣтописи, но желалъ общаго *своднаго изданія* *Нестора*. Такое мнѣніе согласно съ общимъ взглядомъ Шлецера на Русскія лѣтописи и еще болѣе съ его личнымъ намѣреніемъ: обработать *древнюю Русскую исторію*.

Шлецеръ говоритъ, что онъ «никогда не слышалъ о настоящемъ древнемъ, или не такъ древнемъ, но подлинникѣ лѣтописи. Вездѣ одни списки, слѣд. всѣ разнословія и различія зависятъ отъ

(*) *Несторъ*. I. приб. II. 394. § 3.

(**) Ibid. 409 и 10.

однихъ переписчиковъ (*). Они , по видимому, составляли отдельный классъ, и переписываніе было ремесломъ , поденьщиною этихъ обыкновенныхъ и необразованныхъ людей. Чего же добраго ожидать отъ такихъ переписчиковъ ? ихъ трудъ былъ бѣдственнымъ для времянниковъ. Они дѣлаютъ пропуски , разнообразятъ орѳографію (**), перемѣняютъ слогъ почтеннаго Нестора, выкидываютъ слова, прибавляютъ, сокращаютъ, толкуютъ, вводятъ свое, прекрасную простоту уродуютъ и разнорѣчіемъ вводятъ разсужденія въ простое повѣствованіе, начиняютъ выписками изъ Византійцевъ и глухими бреднями , пришедшими въ Москву въ XV вѣкѣ. Короче, нѣтъ примѣра, чтобы съ государственными лѣтописями у какого-нибудь другаго народа поступали такъ странно , какъ въ Россіи. И эти жалко искаженные времянники называютъ Несторовымъ.» (***) . На этой мысли о переписчикахъ основывается Шлецеровъ планъ критическаго изданія Нестора (****). Цѣлю такого изданія должно быть возстановленіе первоначальныхъ словъ лѣтописца. Для того, чтобы можно было возстановить слова Нестора необходимо сличить всѣ списки. Такимъ образомъ трудъ изданія распадается на двѣ части , на сличеніе всѣхъ списковъ , *сводъ* и на возстановленіе текста первоначальной лѣтописи (*****); такого изданія лѣтописей требовалъ Шлецеръ, и его Не-

(*) Несторъ. I. введ. пд.

(**) Ibid. I. введ. пд.

(***) Ibid. пд, пр и пз.

(****) Ibid. I. приб. II. 394. (*****) Ibid. 410—13.

сторъ представляетъ опытъ очищенной лѣтописи , въ которую и сводная входитъ, какъ составная часть. ✓

Не нужно опровергать достаточно опровергнутаго мнѣнія Шлецера о переписчикахъ. Приведу только слова Г. Погодина, которыми онъ заключаетъ критическое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ: (*) «нельзя ссылаться съ Шлецеромъ на переписчиковъ, нельзя обвинять вставщиковъ со всѣми нашими изслѣдователями: лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ, что касается до происшествій и ихъ послѣдовательности.»

Всѣ наши лѣтописи не суть только простые списки Нестора, но продолженія, въ которыя его лѣтопись входитъ какъ начало. Онъ бѣльшею частію мѣстныя и существенно различаются другъ отъ друга полнотою повѣствованія о той или другой части земли Русской. Слѣд. писатели лѣтописей съ половины 12 столѣтія изъ простыхъ переписчиковъ становятся сочинителями. Сводная лѣтопись можетъ продолжиться только до половины 11 столѣтія (**). Стало быть всѣ дальнѣйшія происшествія, всѣ списки, начинающіеся позднѣе этого времени, не могутъ войти въ составъ такого изданія. И такъ мысль Шлецера о сводной лѣтописи, будучи приложена, какъ общая мысль къ изданію

(*) Разсужденіе о Несторѣ. 80.

(**) До 1074 года. См. Разсужд. о Русск. лѣтописяхъ Профес. Перевощикова; статья 29. — Карамз., Ист. Г. Р. пр. 213, 1110 годъ принимаетъ за время окончанія Несторовой лѣтописи. См. также Нестора Г. Кубарева V.—Русск. Истор. Сборникъ том. 18.—М. П. Погодина Несторъ, стр. 23.

нашихъ лѣтописей , за какую и принимаетъ ее Шлецеръ , становится совершенно неприменимою. Не это мнѣніе , но дѣйствіе св. Синода , который такъ понялъ указъ 1780 года , что надо печатать списки порознь , и требованія Болтина , остаются вполне справедливыми.

Мнѣніе Шлецера только тогда получить нѣкотораго рода основаніе , когда примемъ подобное изданіе лѣтописи не за приготовительное дѣло для всей Русской исторіи , но только для одного личнаго труда , который предпринималъ на себя Шлецеръ. «Прежде, восхищенный Русскою исторіею,» говоритъ онъ , «я обнималъ всю исторію до Романовыхъ , дѣлалъ обширныя предначертанія , которыя должны были обнять все (*). Теперь я сдѣлался хладнокровнѣе и воздерживаю въ своихъ предположеніяхъ и ограничиваюсь только Несторомъ и его ближайшими продолжателями до 1200 года» (**). Прежде онъ предполагалъ издать и обработать критически лѣтописи для изданія науки Русской исторіи , теперь ограничиваетъ предположеніе частнымъ намѣреніемъ обработать одну древнюю исторію Россіи. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ могла возникнуть мысль о сводномъ Несторѣ ; но еще остается вопросъ : могла-ли она быть исполнена ?

Если бы сохранился подлинникъ Несторовой лѣтописи , или древнѣйшій и лучше другихъ сохранившійся списокъ , то , безъ всякаго сомнѣнія , слѣченіе его со всѣми остальными списками было бы

(*) Несторъ. Предув. I. XXXIV и V.

(**) Ibid. XXXVI и VII.

однимъ изъ необходимыхъ условій при его изданіи. Но нѣтъ ни подлиннаго, ни подобнаго списка; разнословія лѣтописей не зависятъ только отъ однихъ ошибокъ переписчиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ извѣстныхъ мнѣній сочинителей времениковъ. Поэтому большая часть разнословій въ лѣтописяхъ и различныя формы языка могутъ составить предметъ ученой обработки времениковъ, но не могутъ быть приложены, какъ варіанты, при сводномъ изданіи. Говоря о такомъ изданіи, Шлецеръ приводитъ въ примѣръ Грисбахово изданіе Новаго Заветъа (*), слѣд. требуетъ, чтобы Несторъ былъ изданъ въ томъ же видѣ, какъ издаются древніе писатели. «Пока не сдѣлано подобнаго своднаго изданія», говорятъ Шлецеръ, «до тѣхъ поръ нельзя и помышлять объ очищенномъ: одно необходимо условливается другимъ». Основнымъ правиломъ при сводномъ изданіи лѣтописи полагаетъ Шлецеръ слѣдующее: должно выбрать древнѣйшій списокъ и принять его за текстъ. Всѣ разнословія, пропуски и прибавленія прочихъ списковъ должны быть внесены въ примѣчанія (**) (какъ варіанты). Описывая же производство своей работы надъ лѣтописью, онъ говоритъ: (***) «правило: чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ лучше, не есть общее въ классической критикѣ и того менѣе въ Русской. Часто я находилъ настоящее чтеніе въ какомъ-нибудь одномъ списокѣ, который впрочемъ принадлежитъ къ самымъ худшимъ. Одно чрезвычайно важное происшествіе, котораго нѣтъ въ древнихъ спискахъ,

(*) Нест. I. приб. 394. (**) Ibid. 410 и 11.

(***) Ibid. I. Предисл. XIII и XIV.

отыскалось въ новомъ, переписанномъ ужаснымъ образомъ.» Такимъ образомъ самъ Шлецеръ упреждалъ насъ дѣлать непримѣнимость этого правила и отступилъ отъ него. «Изъ десяти чтеній надо было выбрать одно настоящее, или *отгадать*, если *избирать* было невозможно. Надо было вставлять выпущенныя мѣста, настоящія Несторовы слова отдѣлать отъ постороннихъ вставокъ, толкованій и разсужденій (*).» Часто случалось, что во *всѣхъ* спискахъ были пустыя слова, но одно соединеніе ихъ между собою наводило на настоящій смыслъ. Но это случалось рѣдко; если въ девяти спискахъ слово было не такъ написано, за то въ десятомъ, *хотя и въ самомъ дурномъ*, стояло какъ *надобно*. Такимъ образомъ составлялся мой Славянскій коренной текстъ, *очищенный Несторъ* (**).» Не имѣя ни одного списка лѣтописи, который можно бы принять за текстъ, не было возможности издавать лѣтописи въ томъ же видѣ, какъ издаются древніе писатели. Текстъ, составленный изъ мѣстъ, взятыхъ изъ различныхъ списковъ, иногда основанный на простой догадкѣ и случайномъ соединеніи непонятныхъ словъ, не могъ назваться своднымъ Несторомъ, но уже очищеннымъ. Шлецеръ по необходимости приступилъ къ изданію очищеннаго Нестора, составляющаго важнѣйшую часть его сочиненія, гдѣ *сводъ* лѣтописей занимаетъ только мѣсто простой, приготовительной работы. «Если можно въ моемъ Несторѣ,» говоритъ онъ, «назвать что-нибудь важнымъ, то это возстановленіе

(*) Нест. I. Приб. II. 412.

(**) Ibid. XVIII, XIX, XX.

первоначальныхъ Несторовыхъ словъ (*).» Шлецеръ говоритъ, что лѣтописи недоставало только ученой обработки (**). «Да не скажетъ никто, чтобы я похитилъ себѣ честь,» говоритъ онъ, «быть первымъ издателемъ Нестора; мнѣ принадлежитъ только критическое, искусное, ученое, истолковательное изданіе, которое должно представить сочинителя въ настоящемъ видѣ, очистить его отъ глупѣйшихъ описокъ, объяснить гдѣ онъ теменъ, исправить гдѣ онъ ошибается (***).» Не признавая за общее правило ни древность рукописи, ни большинство чтеній, на чемъ же основывалъ Шлецеръ возстановленіе и даже отгадываніе настоящихъ словъ Нестора, какія начала его руководили при очищеніи, объясненіи и исправленіи лѣтописи?

Общія начала критики. Всю историческую критику Шлецеръ раздѣляетъ на *низшую*, или критику словъ, и на *высшую*, или критику дѣлъ. Первая рѣшаетъ вопросъ: что дѣйствительно писалъ Несторъ, ему ли принадлежатъ тѣ или другія слова и выраженія, или суть только ошибки переписчика (****)? «Большую часть глупыхъ описокъ,» говоритъ Шлецеръ, «открыть и исправить нельзя безъ познанія иностранной исторіи. Какъ этого познанія не существовало, то и составили на грубыхъ ошибкахъ цѣлую ложную систему, особливо о началѣ государства, и заставили сего монаха говорить такія вещи, которыя ему никогда не приходили въ голову (*****).»

(*) Общ. предв. напом. стр. 7. (**) Введ. рог.

(***) Общ. предв. введ. 4. (****) I. Прибл. II. 395.

(*****) I. Общ. предв. введ. 5.

Высшая критика разрѣшаетъ вопросъ: правильна-ли мысль лѣтописателя, историческое-ли происшествіе онъ повѣствуетъ, или сказку (*)? Если на вопросы низшей критики нельзя отвѣчать безъ познанія иностранной исторіи, то, безъ сомнѣнія, еще менѣе можно отвѣчать на вопросы высшей, которая у Шлецера условливаетъ низшую. За общія начала критики онъ принимаетъ тѣ, которыя въ его время были прилагаемы къ исторіи Германской. «Это начертаніе,» говоритъ Шлецеръ о своемъ Несторѣ, «принадлежитъ не мнѣ, не я изобрѣлъ его; но научился отъ другихъ и принаровилъ только къ Русской исторіи. Всѣ упражнявшіеся въ исторіи народы такъ дѣлали и должны были дѣлать, чтобы имѣть достойную себя исторію (**).»

Такимъ образомъ Шлецеръ приложилъ къ Русской исторіи общія начала критики, признаваемые въ его время необходимыми въ Германской исторіи. Ихъ не могли и не должны были избѣгнуть западные историки; Шлецеръ думаетъ, что ихъ не можетъ и не долженъ избѣгнуть и ни одинъ историкъ въ мірѣ. Онъ приводитъ о себѣ мнѣніе Шпиттлера, который говоритъ: «какъ должно обрабатывать и критически употреблять Русскія лѣтописи, первый Шлецеръ показалъ настоящимъ образомъ. Его приложеніе испытанныхъ и давно уже въ южной Европейской исторіи употребляемыхъ правилъ, къ Русской и общей Сѣверной исторіи, можетъ наконецъ поставить ее на должное основаніе.»

Мы не думаемъ, чтобы начала критики, выведенныя изъ ученыхъ изслѣдованій иностранной исто-

(*) I. Приб. II. 396. (**) I. предув. XXXIX.

ріп и послужившія въ свой чередъ для нея, какъ науки, основаніемъ, не могли быть приложены къ исторіи Русской. Какъ часть общаго цѣлаго, исторіи всего человѣчества, она не можетъ и не должна быть исключена изъ подъ вліянія общихъ законовъ, правящихъ его жизнью. Но начала критики слѣдятъ за развитіемъ человѣческаго сознанія, за движеніемъ философіи, на основахъ которой сознательно или безсознательно, но всегда зиждется зданіе другихъ наукъ. При этомъ сознаніи человѣчества, какъ общаго единаго цѣлаго, при полномъ изслѣдованіи всѣхъ сторонъ, всѣхъ отраслей и видовъ его исторіи, какъ составныхъ частей этого цѣлаго, безспорно историческая критика сознастъ и выразитъ тѣ начала, которыя могутъ смѣло руководить обработкою частной исторіи того или другаго народа. Но во времена Шлецера еще издали и темно представлялась общему сознанію мысль о человѣчествѣ и его исторіи, распадавшейся на безчисленныя, только внѣшнимъ образомъ соединенныя части. Въ это время понятіе о человѣчествѣ служило только цѣлію исторіи, которая не восходила выше мысли о Германскомъ единствѣ. Начала исторической критики еще вращались въ кругъ частной народности, выведенныя изъ Германской исторіи и только къ ней приложенныя. Шлецеръ и по своему практическому характеру и вслѣдствіе состоянія науки его времени, личною силою не могъ изъ тѣснаго круга Германской національности начала исторической критики возвести до общечеловѣческаго безпристрастія. Мы показали, какъ эти правила не приложимы были къ сводному Пестору въ смыслъ Шлецера; остается взглянуть,

могутъ-ли они быть приложимы къ Нестору очищенному? Прежде нежели станемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, опредѣлимъ яснѣе, что такое значить у Шлецера очищенный Несторъ?

Цѣль его труда, по собственному его сознанію, состоитъ въ томъ, чтобы возстановить искаженный переписчиками подлинный текстъ лѣтописи. Это возстановленіе совершается на основаніи общихъ началъ высшей критики, которая не только судить о словахъ и выраженіяхъ: принадлежать-ли они переписчику или сочинителю, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отчета отъ лѣтописателя въ его словахъ и происшествіяхъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ. «Несторъ монахъ XI-го вѣка, подобный всѣмъ Европейскимъ монахамъ своего времени», говоритъ Шлецеръ, «неучень, какъ и всѣ тогдашніе его Византійскіе учителя, наполненъ предрасудками и монашескимъ легковѣріемъ, противными здравому разсудку 18-го столѣтія; жившій на Днѣпрѣ, въ уголку земли, который мало имѣлъ сношеній съ прочимъ міромъ, не зналъ ничего, относящагося къ познанію людей и свѣта. Потому лѣтописателю, не смотря на все признанное его безпристрастіе, можно сказать: ты обманываешься, ты слишкомъ простъ, ты рассказываешь сказку! (*)» Такимъ образомъ очищенный Несторъ перестаетъ быть лѣтописью и превращается въ науку Русской исторіи; каждое его положеніе повѣряется критически и становится выводомъ науки, а не рассказомъ лѣтописи. Очищеніе лѣтописи могло быть совершено только подъ условіями поздней критики

(*) I. Прибав. II. 397.

въ смыслъ Шлецера, но она оказалась неприменимою. Шлецеръ выработываетъ списки подъ условіями критики высшей, и потому окончательные выводы его труда представляютъ не очищенную лѣтопись, но опытъ Русской исторіи, какъ науки. Въ такомъ случаѣ за чѣмъ же онъ вноситъ въ свое сочиненіе текстъ лѣтописи и притомъ считаетъ его главнымъ содержаніемъ своего труда? — За тѣмъ, что онъ обрабатываетъ Русскую исторію для Нѣмцевъ. Шлецеръ не возвелъ Русской исторіи на степень науки, но возводитъ, какъ критикъ, и потому описываетъ весь ходъ своей работы, начиная отъ первыхъ приѣмовъ до окончательныхъ выводовъ; представляя съ одной стороны рядъ выводовъ, онъ долженъ былъ съ другой представить источники, изъ которыхъ они сдѣланы. Источники суть всѣ списки Нестора, выводы — наука Русской исторіи. Мысль о сводѣ и очищеніи лѣтописей представляется тѣмъ среднимъ, не самостоятельнымъ, но условнымъ явленіемъ въ области ученаго труда, которое необходимо предшествуетъ окончательному, ученому исполненію дѣла. Это способъ пониманія и пользованія лѣтописью историкомъ. Но этотъ способъ пониманія у Шлецера не былъ личнымъ; онъ основывалъ его на общихъ началахъ современной ему исторической критики въ Германіи; потому очищеніе лѣтописи и представлялось ему трудомъ самостоятельнымъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ намъ сохранила древность наши лѣтописи, онъ не подходитъ подъ тѣ начала критики, которыя Шлецеръ признавалъ за безусловныя. Онъ же не понималъ ихъ иначе, какъ подъ условіями этихъ началъ. Потому объяснитъ смыслъ, перевести онъ

могъ только очищеннаго Нестора. «Очень понятно,» говоритъ Шлецеръ, «что нельзя было перевести Нестора, не очистивъ его прежде» (*). Намъ не нужно переводить Нестора; Шлецеръ переводилъ его только для Нѣмцевъ.

Мысль объ очищенномъ Несторѣ представляется плодомъ того направленія, которое хочетъ, чтобы Русская исторія была обработана Нѣмцами и для Нѣмцевъ. Мысль, необходимая у Шлецера, но случайная и несправедливая въ области Русской исторіи. Нѣмцы могутъ обрабатывать Русскую исторію, но для этого должны знать языкъ и не нуждаться въ переводѣ лѣтописей, какъ думаетъ Шлецеръ. «Я совѣтую,» говоритъ онъ, «сдѣлать изданіе сличеннаго и очищеннаго Нестора на коренномъ Славянскомъ языкѣ, но съ Латинскимъ переводомъ, дабы иностранцы, и особливо трудолюбивые Нѣмцы, могли быть сподвижниками и сотрудниками въ распахкѣ сего дикаго поля» (**).

И такъ трудъ Шлецера, какъ предварительное сводное и критическое изданіе лѣтописи, въ смыслѣ самостоятельнаго явленія, представляется совершенно случайнымъ въ области Русской исторіи. Онъ важенъ, какъ личное дѣло Шлецера, и степень его важности опредѣляется тѣми выводами, къ которымъ посредствомъ его пришелъ Шлецеръ. Эти выводы составляютъ вторую существенную часть Шлецерова Нестора — опытъ науки Русской исторіи. Слѣдуетъ рассмотреть и повѣрить его трудъ въ этомъ смыслѣ.

(*) I. пред. XX.—(**) Ibid. XXXVI.

V.

Мы сказали, что начала Шлецеровой критики, посредствомъ которыхъ онъ возводитъ Русскую исторію на степень науки, суть тѣ начала, которыя существовали въ это время въ исторической критикѣ Германіи. Въ слѣдъ за мыслию объ исторической самостоятельности Германіи, утвержденной реформаціей, важнѣйшею была мысль объ единствѣ Германіи, пробуждавшаяся во времена Шлецера. Она имѣла большое вліяніе на науку исторіи. На Германскія государства начали смотрѣть, какъ на одно цѣлое, родственное со всеми другими народами Запада по общимъ стихіямъ, вошедшимъ въ составъ ихъ жизни, и по историческому развитію, условленному теми стихіями. Всѣ государства западной Европы основаны *завоеваніемъ*; исторія каждаго условлена разнороднымъ составомъ ихъ быта. Потому каждое явленіе жизни одного народа непременно находитъ себѣ соответствующее *исходное* въ жизни другаго; каждое явленіе, необъяснимое изъ самостоятельныхъ началъ одного племени, объясняется изъ началъ другаго, вошедшихъ въ составъ государства. Вслѣдствіе сего, начала *сходства* (аналогіи) и *заимствованія* необходимо служатъ при историческихъ изслѣдованіяхъ о государствахъ западной Европы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія такъ называемая историческая школа въ Германіи блистательно ихъ приложила къ дѣлу. Шлецеръ пытался тѣ же начала приложить къ Русской исторіи и на основаніи оныхъ, построить ея науку.

Приѣхавши въ Россію, Шлецеръ засталъ въ наукѣ Русской исторіи борьбу двухъ противоположныхъ мнѣній о происхожденіи Русскаго народа. Этотъ вопросъ былъ живымъ вопросомъ его времени и волновалъ страсти академическихъ партій. Послѣдователи Байера утверждали, что Руссы были Нѣмцы, именно Шведы; послѣдователи Ломоносова принимали ихъ за Славянъ. Но этотъ вопросъ еще не былъ возведенъ на степень ученую. Не смотря на то, что эти мнѣнія еще задолго до этого времени существовали въ Россіи, происхожденіе перваго приписывалось личному пристрастію. Русскіе почитали его оскорбительнымъ для народнои чести; не думая о наукѣ, подозрѣвали въ пристрастіи Нѣмецкихъ ученыхъ, которые вводили это мнѣніе, и потому противодѣйствовали ихъ стремленію. Шлецеру предоставлено было сему вопросу дать ученое значеніе, поставивъ его на твердое основаніе общихъ началъ исторической критики. Но Шлецеръ, вызванный Миллеромъ въ Россію, подъ рукою Тауберта вошедшій на академическую кафедру, подъ вліяніемъ современной ему исторической критики въ Германіи начавшій заниматься Русскою исторіею, сдѣлавшійся главою Нѣмецкой партіи въ Академіи, Нѣмецъ Шлецеръ не могъ возвыситься до полного безпристрастія въ отношеніи къ этому вопросу, одинаково возвести оба мнѣнія въ область науки и отъ ней ожидать имъ общаго разрѣшенія. Характеръ Шлецера и его ученое направленіе за-одно съ вѣшними условіями, принудили его увлечься практическою стороною вопроса и принять одно изъ мнѣній. Онъ принялъ мнѣніе Байера. Подъ Руссами, пришедшими въ

Россію, разумѣются Шведы, говоритъ утвердительно и доказываетъ Шлецеръ (*); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далѣе замѣчаетъ: «хотя многіе считаютъ очень вѣроятнымъ, что Руссы означаютъ Шведовъ; однако если они и обманываются, то еще не за что считать ихъ государственными преступниками» (**). Это мнѣніе казалось Шлецеру только вѣроятнымъ; слѣдовательно не въ этомъ видѣ онъ считалъ его важнымъ въ наукѣ Русской исторіи. Исчисляя ту выгоду, которую получила Русская исторія отъ его Нестора, онъ говоритъ: «начало Руси не теперь отыскано, ибо эта слава принадлежитъ Байеру; но теперь выведено изъ всякаго сомнѣнія» (***). Мнѣніе Байера, только что вѣроятное, еще могло возбуждать сомнѣніе и потому не могло быть принятымъ за главную мысль науки. Въ какомъ же видѣ оно становится несомнѣннымъ? Шлецеръ продолжаетъ: «никто, что-нибудь читавшій о Норманнахъ, не можетъ принять Варяговъ ни за кого болѣе, кромѣ сихъ Норманновъ. Самъ Болтинъ убѣдился бы, что Рюрикъ былъ Нѣмецъ». И такъ для Шлецера было важно не то, что Варяги Шведы, или Датчане, но то, что они были Нѣмцы, племя разнородное съ туземцами, къ которымъ они пришли. Если это мнѣніе вѣрно, то само собою возникаетъ слѣдующее предположеніе въ наукѣ Русской исторіи:

Въ составъ Русскаго государства, какъ и всѣхъ Европейскихъ, вошли два разнородныхъ элемента, — Нѣмецкій и Славянскій.

(*) I. глав. XIX. 316.

(**) I. предув. XXVII.

(***) I. предув. XXVII и VIII.

Изъ этого предположенія необходимо вытекають слѣдующія положенія:

Государство Русское основано одинаково со всѣми западно-Европейскими; слѣдовательно между ихъ исторіями должна существовать взаимная *аналогія*.

Въ составъ Русской жизни вошелъ Нѣмецкій элементъ; слѣд. многое въ Русской жизни заимствовано отъ Нѣмцевъ.

На основаніи этихъ двухъ положеній для изслѣдованія Русской исторіи, само собою составляетъ слѣдующее правило:

Русской исторіи нельзя обрабатывать безъ познанія Германской; она развивается вмѣстѣ съ нею подъ условіями однихъ и тѣхъ же началъ; потому общія правила критики, выведенныя изъ обработки Германской исторіи и въ ней испытанныя, вполне могутъ быть приложены и къ Русской исторіи. Это правило, какъ мы видѣли, вполне выговариваетъ Шлецеръ, и его трудъ есть опытъ построенія Русской исторіи подъ условіями этихъ началъ.

Поставивъ напередъ то предположеніе, что въ Русскую жизнь вошли два составныя начала — племя Германское и Славянское, во главу угла знанія науки Русской исторіи, Шлецеръ подъ условіями правилъ современной ему исторической критики въ Германіи, правилъ аналогіи и заимствованія, такъ развиваетъ свою первую гипотезу:

Вездѣ въ исторіи западныхъ государствъ это совмѣщеніе двухъ племенъ совершается слѣдующимъ образомъ: къ племени дикому приходитъ другое, болѣе образованное. Взаимное воздѣйствіе

двухъ противоположныхъ началъ служить основою для историческаго развитія; на этомъ положеніи Шлецеръ строитъ общее правило и наконецъ прилагаетъ его къ Россіи. «Что люди сначала жили *наравнѣ со скотами* на нашей планетѣ — это извѣстно,» говоритъ онъ, и потомъ, описывая, какъ просвѣщеніе проникло на Сѣверъ Европы, продолжаетъ: «для того, чтобы просвѣщеніе развилось, *нуженъ былъ ударъ снаружи*, и Провидѣніе начало его готовить для Европы только за 2000 лѣтъ до нашего времени; Римляне, завоевавъ южную треть Европы, разнесли его до Рейна; наконецъ Германцы распространили на дальній Сѣверъ (*). Изъ этого мы видимъ, что общее мнѣніе Шлецера объ историческомъ развитіи каждаго народа, основывается на слѣдующихъ положеніяхъ: каждый народъ первоначально представляется въ грубомъ и дикомъ состояніи, въ каждомъ народѣ общественность и просвѣщеніе начинаютъ развиваться вслѣдствіе *внѣшняго побужденія*. Если эти общія правила примѣнить къ Россіи, то выйдутъ слѣдующія положенія:

1. Племена, къ которымъ пришли Варяги, находились въ дикомъ состояніи. «На верхнемъ Сѣверѣ,» говоритъ Шлецеръ, «обитали люди, походившіе на жителей Сибиріи, Калифорніи и Мадагаскара, раздѣленные на малыя орды, люди, не имѣвшіе политическаго устройства, сношеній съ иноплемениками, письма, искусствъ, религіи, или только глупую религію» (слово, недостойное исто-

(*) Несторъ II. стр. 176—8.

рика) (*)! Далѣе, говоря о призваніи, онъ ихъ называетъ: «людьми дикими, подобными Далекарлійскимъ крестьянамъ при Сверрѣ» (**). Вслѣдствіе такого мнѣнія о племенахъ, обитавшихъ въ Россіи, Шлецеръ отвергаетъ принимаемую Шторхомъ восточную торговлю Россіи до пришествія Рюрика и называетъ эту мысль не только не ученою, но уродливою, говоря, что люди, «жившіе подобно Прокезцамъ и Альгонхинцамъ, не могли имѣть торговыхъ путей и производить этой торговли» (***). Уже Ломоносовъ говорилъ, что мы «не мало имѣемъ свидѣтельствъ, что въ Россіи толь великой тьмы невѣжества не было, какую представляютъ многіе *внѣшніе* писатели» (****). Несторъ описываетъ нѣкоторыя одичалыя племена, но онъ отличаетъ ихъ отъ другихъ. Это различіе со множествомъ другихъ показаній въ наше время утвердило ту мысль, что племена Славянскія до призванія имѣли общественное устройство, торговля сношенія и религію. Мысль Шлецера не только не подтверждается фактами, но прямо имъ противорѣчитъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она вполне послѣдовательна съ первоначальною его гипотезою и представляется однимъ изъ ея частныхъ выводовъ.

2-е Положеніе состоитъ въ томъ, что эти дикари сами изъ себя не могли развиваться исторически, и это развитіе должно зависѣть отъ *внѣшняго побуж-*

(*) Несторъ I. ввел. ИД. — (**) Ibid. I. глав. XVIII. 306. —
 (***) Ibid. I. 1-е приб. 388 и 9. — (****) Древ. Рос. Исторія,
 стр. 2.

денія, новаго элемента, внесеннаго другимъ племенемъ. Шлецеръ говоритъ: «люди, обитавшіе въ Россіи, были способны къ образованію, котораго однако же сами себѣ дать не могли, а должны были ожидать отъ внѣшняго побужденія» (*). Первый шагъ къ образованію сдѣлали Новгородцы съ сосѣдственною Чудью; онъ состоялъ въ томъ, что тѣ и другіе, *хотя противъ воли*, поставили у себя Государя (**). «Кто знаетъ,» далѣе говоритъ Шлецеръ (***), «долго-ли бы еще пробыли въ этомъ состояніи блаженной для *получеловѣка* безчувственности, если бы около этого времени не *напала* на нихъ шайка разбойниковъ, ворвавшихся въ ихъ мирное жилище. Тутъ только они стали *разсуждать* и приняли лучшія мѣры, для доставленія себѣ внѣшней защиты и внутренняго спокойствія.»

3. Соединеніе двухъ разнородныхъ племенъ во всѣхъ исторіяхъ Запада произошло посредствомъ завоеванія. Чтобы поддержать вѣрность аналогіи, необходимо было предположить, что и государство Русское основано завоеваніемъ. Между тѣмъ какъ первоначальная гипотеза необходимо условливала это новое предположеніе, рассказъ лѣтописи совершенно ему противорѣчилъ. Дѣло призванія столь ясно описано лѣтописцемъ, что нельзя было отрицать его прямо, не отрицая вообще всякаго авторитета лѣтописи. Это понималъ Шлецеръ и потому, не отрицая прямо, пытается ослабить его слѣдующимъ, новымъ предположеніемъ:

(*) Несторъ I. Введ. отд. II. НД. — (**) Ibid. Нест. — (***) Нест. II. 180.

Соединенныя племена призвали тѣхъ же самыхъ Варяговъ, которыми были завоеваны прежде и которыхъ прогнали назадъ тому три года. «Хотя,» говоритъ Шлецеръ, «намѣреніе призвать защитниковъ отъ прежнихъ жестокихъ грабителей было странно и опасно; однако же 400 лѣтъ тому назадъ Британцы сдѣлали такую же неосторожность, (*) призвавъ Генгиста и Горзу въ 499 году и то же самое сдѣлало въ 911 году Французское правительство съ Рольфомъ.» И такъ аналогія позволяла Шлецеру сдѣлать такое странное предположеніе, не смотря на то, что лѣтописи ясно различаетъ изгнанныхъ Варяговъ отъ призванныхъ впослѣдствіи, называя послѣднихъ Варягами - Русью. Эту странность чувствовалъ самъ Шлецеръ; но потомъ, сравнивая призваніе Варяговъ съ призваніемъ Генгиста и Горзы и Рольфа, восклицаетъ: «какъ все это естественно!» Далѣе замѣчаетъ Шлецеръ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи сказано о Славянахъ, что они рѣшились призвать *опять* Варяговъ (**). «Но ни въ одномъ» замѣчаетъ Эверсъ, «изъ доселѣ извѣстныхъ списковъ нѣтъ этого слова *опять*, хотя на немъ одномъ и не можетъ основаться достоверность событія, самого по себѣ невѣроятнаго» (***). Аналогія съ Британцами и Французами представляется Эверсу тоже неосновательною: первые призвали Саксонцевъ, на *помощь* противъ Пиктовъ и Скотовъ, а вторые не призывали Рольфа, но уступили

(*) 1. XVIII. 305. II. 187.— (**) II. 2.— (***) Предвар. Кр. изслѣд. 1. 60.

ли ему по нуждѣ то, чѣмъ онъ уже владѣлъ, что говорить и самъ Шлецеръ (*). Для чего же онъ строитъ такую неестественную гипотезу? Для того, чтобы хотя нѣсколько сдѣлать естественнымъ свой послѣдній выводъ, какъ мы увидимъ ниже, — *завоеваніе*; они призвали тѣхъ же Варяговъ, слѣд. своихъ прежнихъ завоевателей.

Это предположеніе даетъ нѣкоторую естественность — второму.

Въ Никоновскомъ Сборникѣ находится слѣдующее извѣстіе:

Въ лѣто 6372 оскорбишася Новгородцы, глаголюще: яко быти намъ рабамъ и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ Новгородцевъ, совѣтниковъ его (**). «Два отъѣнно важныя происшествія,» восклицаетъ Шлецеръ; «трехъ братьевъ призвали только для того, чтобы быть предводителями; дикіе же Норманны стали брать на себя видъ повелителей. Это удивило Новгородцевъ и они начали роптать, даже дошло до вторичнаго возмущенія противъ Варяговъ. Одинъ Новгородецъ, по имени Вадимъ храбрый, сдѣлался начальникомъ угнетенныхъ; однако же былъ побѣжденъ. Три брата привели съ собою столько людей, что могли все преодолѣть» (***). Изъ послѣднихъ словъ мы видимъ, почему Шлецеръ долженъ былъ принять въ своего очищеннаго Нестора то чтеніе немногихъ позднѣйшихъ

(*) I. 272. — (**) Ник. 1 стр.

(***) 1. XII. 356 и 7.

временниковъ, что трѣхъ брата *поша* съ собою всю Русь. Гипотеза руководила и въ этомъ случаѣ, при восстановленіи текста летописи. Такимъ образомъ, истолковывая повѣствованіе Никоновскаго Сборника, Шлецеръ заключаетъ: «такъ началось Русское царство, Русская монархія, *какъ и всѣ другія, насиліемъ и кровопролитіемъ*. Рюрикъ наложилъ узы на свободную державу, онъ призванъ былъ для защищенія свободы и онъ же истребилъ ее» (*). Эверсъ удивляется, почему Шлецеръ начинаетъ Русскую исторію съ Рюрикова единодержавія и говоритъ: «что оно было не важно и не заслуживало того, чтобы начинать съ него Русскую исторію. Русское государство образовалось при Ильменѣ озеръ и словомъ и дѣломъ до Рюрика единовластія. Призванные Князья пришли уже въ государство, какую бы форму оно ни имѣло; ибо какъ иначе назвать то соединеніе, въ которомъ жили упомянутые народы и управлялись по изгнаніи Варяговъ? Почему же Шлецеръ все это время называетъ вступленіемъ въ Русскую исторію; развѣ непременно она должна начаться единодержавіемъ? Почему же не тріумвиратомъ?» (**). Отвѣчаю словами Шлецера: «въ слѣдующій годъ, послѣ Вадимова возстанія, оба брата Рюриковы померли и онъ остался единодержавнымъ» (***). И такъ, съ этого времени Русская исторія начинается потому, что время единодержавія совпадаетъ съ усмиреніемъ Вадимова возстанія, съ *завоеваніемъ*.

(*) Wäsfing. Mag. 337.

(**) Предув. кр. изслѣд 84. 5. 9.

(***) 1. XII. 357.

Русская же исторія должна была начаться завоеваніемъ, какъ начался всѣ Западно-Европейскія исторіи, послѣдовательно съ первою гипотезою Шлецера. Ему нужно было доказать завоеваніе; въ противномъ случаѣ, дѣло призванія возстало бы явнымъ противорѣчіемъ съ его предположеніемъ. «Удивительно,» говоритъ Шлецеръ, «что сіи столь важныя происшествія, т. е. возстаніе Вадима и его усмиреніе сохранились въ одномъ только Никоновскомъ Сборникѣ и Степенной Книгѣ. Очень легко можетъ случиться, что трусливые переписчики съ умысломъ это выпустили » (*). Такъ обыкновенно поступаетъ Шлецеръ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, сваливая всю вину на переписчиковъ. Но эта причина не можетъ считаться удовлетворительною и необходимо возникаетъ вопросъ: могъ ли Шлецеръ, не отступая отъ принятыхъ имъ началъ критики, принять извѣстіе о возстаніи Вадима исторически достовернымъ и, если могъ, то въ такомъ ли видѣ, въ какомъ онъ его принимаетъ? Это извѣстіе сохранилось только въ Никоновскомъ Сборникѣ; объ немъ же вотъ что говоритъ Шлецеръ: «въ немъ кое-гдѣ сокращены извѣстія, а еще болѣе перемѣшаны съ баснями Степенныхъ Книгъ и выписками изъ Византійцевъ, совсѣмъ не принадлежащими къ Русской исторіи» (**). Кромѣ Никоновскаго Сборника, извѣстіе о Вадимовомъ возстаніи сохранилось въ Степенныхъ Книгахъ, которыя имѣли вліяніе на его составленіе; потому со всею вѣроятностію можно предполагать, что это извѣстіе въ

(*) 1. XXII. 357 и 8.

(**) 1. Введ. АГ. п184.

Никоновскій Сборникъ вошло изъ Степенныхъ Книгъ. Степенныя же Книги въ его глазахъ не имѣютъ авторитета. И такъ по началамъ критики Шлецеру не слѣдовало повѣрить этому происшествію, не повѣривъ на прим. извѣстіямъ о Гостомыслѣ, сохранившемся въ двухъ спискахъ лѣтописи (*). Только гипотеза могла принудить Шлецера не только повѣрить этому извѣстію, но построить на немъ новую гипотезу о завоеваніи, на которой, въ свою очередь, строятся все зданіе Русской исторіи.

Кромѣ этихъ двухъ событій, поддерживающихъ предположеніе Шлецера о завоеваніи, оно предполагаетъ необходимо признаніе исторической достовѣрности разсказа о Рюрикѣ и его братьяхъ. Могли ли Шлецеръ признать его такимъ, если бы строго слѣдовалъ законамъ постоянно имъ защищаемой ученой критики, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее понималъ? У всѣхъ лѣтописцевъ этого времени распространилось обыкновеніе, по примѣру сыновъ Ноевыхъ, повторять сказанія о трехъ братьяхъ. Такъ образовалась сказка о Лехѣ, Чехѣ и Русѣ; Кіѣ, Щекѣ, и Хорывѣ; трехъ дочеряхъ Крока и въ Ирландіи о братьяхъ Амелаусѣ, Ситаракусѣ и Пвору. Эти три брата около 855 года пришли въ Ирландію, были ласково приняты жителями, заложили три города и начали управлять ими, сначала человеколюбиво, а потомъ сдѣлались тиранами. «Какъ бы то ни было,» говоритъ Шлецеръ, «а сходство съ Рюрикомъ и его братьями чрезвы-

(*) 1. XVI. 277.

чайно.» И такъ, по общимъ началамъ критики, что бы долженъ сдѣлать Шлецеръ съ этимъ преданіемъ? Объявить его точно такою же сказкою, какъ объявляетъ всѣ ему подобныя, и притомъ по сходству ея съ Ирландскою, приписанною къ намъ изъ Скандинавіи. Но въ этомъ случаѣ разрушилась бы Шлецерова гипотеза, и потому онъ говоритъ: «въ разсужденіи Рюрикова существованія не можетъ быть никакого подобнаго сомнѣнія и все, что ни говорится въ древнихъ, *чистыхъ* летописяхъ о его приключеніяхъ до самой смерти, отличается простотою и историческою истиною. Слѣд. Ирландецъ, кажется, заимствовалъ эту сказку у Россіянина, а не на оборотъ.» Такъ была сильна мысль о заимствованіи! Но послѣднія слова поразили странностію самого Шлецера и онъ прибавляетъ: «однако же какъ можно предположить, чтобы въ XII или XIII вѣкѣ было ученое сношеніе между Кіевомъ и Дублиномъ! (*)»

Утвердивъ по его мнѣнію гипотезу о завоеваніи, Шлецеръ приступаетъ къ дальнѣйшимъ выводамъ, непосредственно изъ ней вытекающимъ. Общія слѣдствія завоеванія были слѣдующія:

I. Названіе страны по имени завоевателей. Галлія прозвалась Франціею, говоритъ Шлецеръ, отъ своихъ побѣдителей, Германскихъ Франковъ... такимъ точно образомъ и Новгородскіе Славяне получили названіе отъ своихъ побѣдителей, Руссовъ, т. е. Шведскихъ Норманновъ (**). «Теперь уже ни-

(*) 1. XXI. 349—54.

(**) 1. XXI. 343.

кто не можетъ печатать, что Русь называлась Русью за долго до пришествія Рюрика» (*). Въ этомъ полагаетъ Шлецеръ одну изъ заслугъ своего Нестора. Такимъ образомъ аналогія принуждаетъ Шлецера принять это положеніе; но одна аналогія еще не доказываетъ его исторической достовѣрности; нужно было согласить его съ показаніями лѣтописи. Такъ подводитъ Шлецеръ мѣста лѣтописи для подтвержденія этой гипотезы.

Лѣтописецъ говоритъ: «наченьшю Мѣхалѣ царствовати, начася прозывати Русская земля. О семъ бо увѣдохомъ, яко при семъ Царѣ приходѣша Русь на Царьгородъ» (**). Эти Руссы, примѣчаетъ Шлецеръ, были Понтійскіе (***). «Отсюда ясно», говоритъ профессоръ Максимовичъ, «что названіе Русской земли лѣтописецъ производитъ отъ Руси въ 866 году, приходившей на Царьгородъ съ Аскольдъ и Диръ» (****). Отъ Руси приходившей съ Аскольдъ и Диръ, или отъ Понтійской получила названіе Русская земля, во всякомъ случаѣ, это названіе относитъ лѣтописецъ къ южной, а не къ сѣверной Россіи.

Далѣе лѣтописецъ, говоря о пришествіи Варяговъ, заключаетъ: отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новгородъци (*****). Многіе списки прибавляютъ: отъ тѣхъ Варягъ находницъхъ (Арх. Полет. 1 и 2. Пик. Воскр. Алатыр.). Если сообразимъ это мѣсто

(*) Пред. XXVIII.

(**) Полн. соб. лѣт. 7.—Шлец. 1. XV.

(***) Ibid. 258 пр. 2.

(****) Откуда идетъ Рус. земля, стр. 16.

(*****) Полн. соб. лѣт. 1. 9.—Шлец. 1. XXI.

лѣтописи съ предыдущимъ, то можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: отъ Варяговъ начала называться Русская земля Русскою и притомъ сѣверная и южная въ одно и то же время.

Теперь возникаетъ самъ собою вопросъ: названіе Русь существовало-ли до пришествія Варяговъ и съ ихъ пришествія только вошло въ общес употребленіе, или оно вошло въ употребленіе и пришло вмѣстѣ съ ними? Если этотъ вопросъ рѣшить отвлеченно отъ фактовъ, то могутъ родиться два слѣдующія предположенія:

1. Имя Русь принадлежало пришедшимъ Варягамъ, потому названіе Русской земли и принесено и вошло въ употребленіе съ ихъ пришествія. Это новое предположеніе послѣдовательно вытекаетъ изъ первой гипотезы Шлецера; потому онъ, приводя послѣднее мѣсто лѣтописи, вставляетъ въ текстъ новыя слова, не находящіяся ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ времяписковъ: и *отъ сихъ* новопришедшихъ Варяговъ и *съ сего времени* Русская земля прозвалась Русскою (*).

2. Рядомъ съ такимъ предположеніемъ можетъ быть поставлено другое, совершенно ему равносильное и точно также построенное *a priori*: имя Русь искони принадлежало всей землѣ Русской, какъ названіе страны; рядомъ съ этимъ именемъ существовало другое, также общес названіе племенъ — Славяне.— Но какъ страна была населена мѣстами, племя раздроблено на мелкія семьи, потому ни одно изъ этихъ общихъ именъ не было въ упо-

(*) Ibid. 342.

требленіи; ихъ замѣнили частныя племенные названія. Новгородцы называются именемъ Славянъ, какъ представители цѣлаго племени въ отношеніи къ племенамъ чуждымъ, Финскимъ, съ которыми они входятъ въ общественный союзъ. Съ пришествіемъ Варяговъ, когда частныя племена начинаютъ соединяться въ одно цѣлое, и общее имя страны входитъ въ употребленіе.

Вотъ два предположенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть принято безусловно, но оба должны быть приведены передъ судилище исторіи и оцѣнены по достоинству.

Что предположенія такого рода естественно могутъ возникнуть изъ приведенныхъ словъ лѣтописи, достаточно доказывается слѣдующимъ: въ Воскресенской и Алатырской лѣтописяхъ говорится: *отъ тѣхъ Варяговъ находницѣхъ прозвалась Русь и отъ тѣхъ временъ словоу Русская земля* (*). Съ этимъ, по видимому, соглашается и Никоновскій Сборникъ: *се нынѣ, говоритъ онъ, Русь отъ тѣхъ Варяговъ прозвася*. Но въ тѣхъ же самыхъ лѣтописяхъ (въ Воскр. и Алатыр.) и въ отрывкѣ, присоединенномъ къ Патріаршей, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, при описаніи расселенія Славянъ: *и стѣдоша около озера Ильменя и прозвашася именемъ и нарѣкошася Русь рѣки ради Руссы, иже впадаетъ въ озеро Ильмень* (**). Шлецеръ называетъ эти слова грубѣйшими вставками поддѣльщиковъ (***), ибо они противорѣчатъ его гипотезѣ; но почему же нельзя назвать такою же

(*) Ibid. 341. (**) Ibid. V. 146. (***) Ibid. 150.

вставкою словъ: «и отъ тѣхъ временъ слово Русская земля», встрѣчаемыхъ только въ тѣхъ же самыхъ лѣтописяхъ? Последнее мѣсто лѣтописи показываетъ мысль лѣтописца, который думаетъ, что имя Русь существовало до пришествія Варяговъ, но придаетъ ему частный, племенной характеръ, сходный съ другими названіями племенъ (Поляне, Древляне и т. п.). Происхожденіе названія Руси, предлагаемое лѣтописцемъ, не касается до нашего вопроса: важно только въ этомъ случаѣ то, что существованіе этого названія онъ предполагаетъ до Варяговъ и независимо отъ нихъ. И такъ приведенныя нами слова Нестора могутъ служить поводомъ, не подтверждая исключительно одной, къ развитію обоихъ предположеній вмѣстѣ, построенныхъ нами аргюмѣ; доказательствомъ этому и служить то, что оба предположенія развились въ его продолжателяхъ и переписчикахъ.

Исчисляя племена, обитавшія первоначально въ Россіи, Несторъ говоритъ: *въ Афетовъ же части сѣдять: Русь, Чудь и вси языци: Меря, Муромъ и т. д.; и далѣе: Афетово бо и то колѣно: Варязи: Своя, Урмане, Русь, Англяне и проч. (*)*. «Здѣсь прекращается», говоритъ Шлецеръ (**), «древняя Византійская космографія, на мѣсто которой Несторъ съ 1100 года начинаетъ вѣрное описаніе земель и народовъ Европейскаго Сѣвера, дотолѣ почти совсѣмъ неизвѣстнаго.» «Но по какому праву,» спрашиваетъ Эверсъ, «Шлецеръ отдѣляетъ описаніе Афетова удѣла отъ предыдущаго и относитъ его

(*) Пол. Собр. лѣт. I. 2.

(**) I. II. 98.

къ XI столѣтію?» и вѣрно отвѣчаетъ: «по праву напередъ принятой гипотезы о происхожденіи Руссовъ» (*).

Изъ первыхъ словъ Нестора мы видимъ, что древнѣйшими обитателями Россіи онъ почитаетъ Руссовъ, Чудь и прочіе перечисляемые имъ народы. «Слово Русь употреблено здѣсь въ смыслъ собирательномъ», говоритъ Г. Погодинъ (**). Чудь есть тоже собирательное имя и означаетъ всѣ Финскія племена; остальные перечисляются порознь Несторомъ.

Изъ втораго мѣста Нестора видимъ, что въ числѣ Варяговъ онъ ставитъ Русь (***). «Здѣсь это имя очевидно означаетъ отдѣльное племя,» говоритъ Г. Погодинъ (****).

И такъ если соединимъ оба мѣста лѣтописи, то само собою выйдетъ слѣдующее заключеніе: Русь раздѣлялась на два отдѣла; одна состояла изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи; другая жила за моремъ. Слѣд. Славянскіе старожилы въ Россіи назывались искони Русью и это имя не вновь принесено при-Балтійскими Руссами. Такое заключеніе явно противорѣчитъ Шлецеровой гипотезѣ; «по первос названіе Руси», говоритъ онъ, «не должно входить въ численіе и вставлено сюда переписчикомъ». Опъ это доказываетъ слѣдующимъ образомъ:

(*) О жилищ. др. Рус. перев. Погодина, 9 и 10.

(**) Ibid. 68.

(***) Слово: Варягъ здѣсь въ собир. смыслъ, *ibid.* 67. О происхожденіи Руси проф. Погодина 28.

(****) О жилищахъ др. Рус. 69.

1. «Хотя слово *Русь* находится во *всѣхъ спискахъ*, по вѣтъ почему я осмѣливаюсь его выбросить: очевидно, что *Несторъ* нечисляетъ здѣсь древнѣйшіе народы, обитавшіе въ *Россіи*, и нельзя спорить, что *Руссы* пришли въ нее гораздо позже». — Безспорно, *Варяги* пришли гораздо позже, но *Несторъ* разумѣетъ здѣсь не ихъ, а *Славянскихъ* старожиловъ, искони называвшихся *Русью*.

2. «Онъ нечисляетъ здѣсь одни *Финскія* и *Летскія* племена, а *Руссовъ* не причисляетъ ни къ которому изъ оныхъ». — Но именно потому онъ и обозначаетъ ихъ особеннымъ именемъ *Русь* и говоритъ объ нихъ рядомъ съ *Финскими* и *Летскими* племенами, какъ о старожилахъ *Россіи*.

3. «Въ *Степенной книгѣ* нѣтъ слова *Русь*». — Но о *Степенной Книгѣ* вѣтъ что говоритъ самъ *Шлецеръ*: «гдѣ повѣствуется о древнихъ временахъ, тамъ онъ неполны и наполнены баснями» (*). — Слѣд. *Степенная Книга* для *Шлецера* не могла бы служить доказательствомъ; но между тѣмъ и въ ней слово *Русь* замѣнено названіемъ *Славяне* (**); изъ чего видно, что она считаетъ оба названія однократными, чего также не долженъ бы допустить *Шлецеръ*.

4. Есть слѣдующее мѣсто въ *Несторѣ*: *се суть языци, иже дають дань Руси: Чудь, Меря и проч.* (***). — «Объ этомъ мѣстѣ вспомнилъ переписчикъ», говоритъ *Шлецеръ*, «переписывая первое, приведен-

(*) *Несторъ*. *Шлец.* введ. 1 ч. 4.

(**) Стр. 82.

(***) *Лавр.* XI. *Шлец.* I. глав. IX.

ное выше, и поспѣшилъ вписать своихъ Руссовъ; но вмѣсто дательнаго падежа *Руси* поставилъ именительный *Русь*». — Чтобы объяснять какъ и почему сдѣлана вставка, слѣдовало доказать прежде: вставка-ли это? Вотъ какъ читается вполнѣ то мѣсто, которое, думаетъ Шлецеръ, смутило переписчика. *Се бо въ Руси токмо Словенскъ языкъ, Поляне и проч. И се суть инѣи языци, иже дань даютъ Руси: Чудь и проч. (*)*. — Какой же Руси даютъ дань эти племена? Варагамъ? но о дани Варагамъ лѣтописецъ говоритъ гораздо позднѣе (**); Русь заморская еще не приходила. Очевидно, что, развивая свою мысль послѣдовательно, Шлецеръ и здѣсь долженъ бы допустить вставку или смѣшеніе позднѣйшихъ преданій съ древними. Здѣсь слово Русь точно также означаетъ Славянъ, какъ и въ прежнемъ мѣстѣ, и потому не могло смутить переписчика. «Въ этомъ мѣстѣ», говоритъ Г. Погодинъ, Несторъ означать не племя, а что-нибудь другое» (***)! — Но что же другое? Славянъ, отвѣчаетъ онъ далѣе, т. е. всѣ племена Славянскія, обитавшія въ Россіи.

И такъ изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи можетъ быть сдѣланъ слѣдующій общій выводъ: имя Русь было исконно общимъ названіемъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи, и не принесено въ нее Варагами-Русью. Но кромѣ Славянскихъ племенъ, называвшихся Русью, было другое племя Русь, жившее за моремъ и потому

(*) Полное соб. лѣт. 1. 5.

(**) Шлец. 1. IX. 186.

(***) О жил. др. Рус. 69.

называвшееся общимъ въ нашей древности именемъ заморскихъ племенъ—Варягами (*). Далѣе Несторъ говоритъ : *и сѣдѣ Олегъ княжа въ Кіевѣ... и бѣша у него Варязи и Словене и прочіе прозвашася Русью* (**). При этомъ Шлецеръ замѣчаетъ : « съ пришествія Варяговъ Новгородскіе Славяне начали называться Руссами; когда же Кіевъ сдѣлался престольнымъ городомъ, названіе Руси распространилось и на Славянъ Кіевскихъ и такимъ образомъ сдѣлалось общимъ названіемъ всего народа » (***). Соображая показанія лѣтописи, мы приходимъ къ тому заключенію, что имя Русь входило въ употребленіе въ то время, когда Славяне начинали соединяться въ одно государственное цѣлое; что это имя родовое и притомъ относится къ странѣ; Русь и Русская земля — названія тождественныя. Въ то время, когда на Сѣверѣ Россіи, въ Новгородѣ, съ призванія Рюрика образуется государственный союзъ и почти современно съ нимъ въ Кіевѣ при Аскольдѣ и Дирѣ замѣчается стремленіе къ образованію государства, это имя столько же относится и къ сѣверной, сколько и къ южной Россіи. Впослѣдствіи, когда государственное средоточіе передвигается и устанавливается въ

(*) Подоша за море къ Варягомъ къ Руси, сице бо ся знаху тѣи Варязи Русь, яко се друзи зовутъ Свен, друзи же Урмане, Англыне, друзи же Гьте. Лавр. лѣт. стр. 12. Это мѣсто находится во всѣхъ спискахъ. Шлец. Несторъ I. глав. XIX. «Между Варягами (общее названіе племенъ жителей Пымецкаго и Балтійскаго моря) былъ вародъ, особенно называвшійся Руссами. Это положеніе ясно означено въ лѣтописяхъ», говоритъ Шлецеръ (ibid. стр. 316 и 330)..

(**) Шлец. Нестор. II. глав. V. 252. (***) — Ibid. 266.

Кіевъ, это названіе, слѣдя за его движеніемъ, преимущественно соединяется съ южною Кіевскою Россіею. И такъ Варягами-Русью не было принесено это; искони принадлежавшее землѣ Русской, имя, которымъ назывались и они въ отличіе отъ другихъ племенъ Варяжскихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ ихъ пришествія это имя входитъ въ общее употребленіе и, какъ родовое, мало по малу вытѣсняетъ частныя племенные названія. Причина тому заключается собственно не въ пришествіи Варяговъ, но въ томъ, что съ ихъ пришествія земля начинаетъ соединяться въ одно цѣлое и потому принимаетъ свое исконное общее названіе. До пришествія Варяговъ въ землѣ Русской, раздробленной на отдѣльныя области и общины, и не могло быть въ употребленіи это общее имя, но оно было извѣстно и употреблялось иностранцами, съ которыми Русскіе входили въ сношеніе не какъ члены какого-либо племени, но какъ представители всѣхъ племенъ, всей земли Русской (*). Такое значеніе сего названія могло породить противоположныя мнѣнія при рѣшеніи вопроса: когда Русская земля начала называться Русскою? Этотъ вопросъ страненъ самъ по себѣ (**); но его происхожденіе объяснить легко, если предположимъ, что слово Русь, какъ общее имя страны, искони существовало, но только съ пришествія Варяговъ вошло въ исключительное употребленіе. Несторъ съ одной стороны прямо говоритъ, что Русская земля отъ Варяговъ прозвалась Русью; съ другой

(*) Эверсъ. Крит. изслѣд. 201 и примѣч.

(**) Ю. П. Венелицъ. Скандинавон. стр. 72 и 56.

различныя его же повѣствованія, гдѣ упоминается имя Русь, приводятъ къ совершенно другому заключенію. Такого рода противорѣчіе въ первомъ лѣтописателѣ, противорѣчіе его личнаго мнѣнія съ фактами, имъ же предлагаемыми, произвело два противоположныхъ мнѣнія въ его продолжателяхъ. Мы указали уже на одно мѣсто, обличающее присутствіе этихъ мнѣній въ нашихъ лѣтописателяхъ. Приведемъ, для примѣра, еще разнословіе, встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ: *послаша за море къ Варягомъ къ Руси*, сказано въ нѣкоторыхъ спискахъ о призваніи; въ другихъ же: *къ Варягомъ изъ Руси* и *приидоша на Русь* (*). Подобнаго рода систематическое исправленіе текста не можетъ быть принято за простую ошибку, какъ это дѣлаетъ Шлецеръ, но прямо указываетъ на особое мнѣніе.

Къ такимъ заключеніямъ приводятъ показанія лѣтописи, и Шлецеръ принимаетъ одно изъ предположеній только на основаніи прежде положенной гипотезы, для доказательства которой онъ выбираетъ одни мѣста лѣтописи и исправляетъ другія.

2. Во всѣхъ государствахъ Европы, начавшихся завоеваніемъ, развился феодализмъ; на основаніи аналогій это явленіе должно было повториться и въ Россіи.

Лѣтопись говоритъ: «Рюрикъ по смерти братьевъ *раздая волости мужемъ своимъ* (**); такъ объясняетъ Шлецеръ это мѣсто: «Норманны, подобно

(*) Шлец. Несторъ. I. глав. XIX.

(**) Полн. Собр. лѣт. 1. 9. Шлец. I. 1. 8.

всѣмъ древнимъ Германцамъ , не могли терпѣть самовластительства ; Рюрикъ могъ думать, что его снесутъ слабые жители , къ которымъ онъ пришелъ , но не его соратники , которыхъ для собственной же своей безопасности онъ долженъ былъ привлекать къ себѣ. Они не захотѣли бы быть простыми, ему подчиненными предводителями ; потому и роздалъ имъ области и города. Это очень ясно показываетъ введеніе помѣстнаго правленія ; слѣд. оно и здѣсь введено при такихъ же обстоятельствахъ и при такой же необходимости , какъ и во всей прочей Европѣ со времени переселенія народовъ (*). Введеніемъ феодальнаго правленія Рюрикъ еще болѣе укрѣпилъ свою власть (**). Далѣе Шлецеръ говоритъ : «симъ своимъ вассаламъ повелѣлъ заложить укрѣпленія ». Это находимъ только въ Радзивилловскомъ и Платевскомъ спискѣ. По слова «вассаламъ», замѣчаетъ Эверсъ, нѣтъ въ подлинникѣ, тамъ употреблены наименованія мужи и люди , и прибавляетъ далѣе : «не потому ли Шлецеръ эти названія переводитъ такъ , что вассалы часто въ средніе вѣка въ варварской Латинѣ назывались homines. Шлецеръ продолжаетъ свои историческія предположенія за предѣлы даннаго основанія. Ни одна лѣтопись не говоритъ , чтобы Князь своимъ мужамъ отдалъ вѣрныя мѣста въ пожизненное и даже наследственное владѣніе , съ особыми правами ; потому въ этомъ случаѣ невозможно и думать о ленахъ » (***). Безспорно, въ лѣтописи нѣтъ ни одного указація , изъ кото-

(*) II. 1. 7. (**) I. XXII. 357.

(***) Предв. крит. изслѣд. I. VIII. 79—83.

раго можно бы заключать было о значеніи снхъ областей и городовъ, розданныхъ Княземъ мужамъ своимъ. Чтобы сказать, было-ли въ этомъ нѣчто похожее или ровное феодальному устройству, или что-либо особое, необходимо было сообразить съ послѣдующими явленіями того же рода. Но Шлецеръ не имѣетъ въ виду послѣдующихъ фактовъ и только предшествующая всѣмъ его изысканіямъ гипотеза принуждаетъ его къ положительному заключенію.

3. Общимъ слѣдствіемъ въ земляхъ завоеванныхъ было вторженіе новыхъ началъ, внесенныхъ племенемъ-завоевателемъ въ общественную жизнь туземцевъ. Это вторженіе замѣчается въ языкѣ, въ самой жизни и въ законахъ. Такъ было вездѣ, такъ было и въ Россіи, по предположенію Шлецера.

Галлія назвалась Франціею, говорятъ Шлецеръ, отъ своихъ побѣдителей, однако побѣжденные удержали свой языкъ, который только что смѣшался съ языкомъ побѣдителей. Такъ и Россія назвалась отъ своихъ побѣдителей (*). Дальнѣйшій выводъ, котораго однако же не дѣлаетъ Шлецеръ, долженъ быть слѣдующій: «языкъ побѣжденных Славянъ, смѣшался съ языкомъ побѣдителей Нѣмцовъ». Однако же, не смотря на то, что онъ прямо не выговариваетъ такого вывода, онъ писалъ Русскую грамматику, гдѣ, послѣдовательно съ этою мыслию, всѣ корни Русскихъ словъ выводитъ изъ языковъ Германскихъ (**),—грамматику, противъ которой такъ

(*) I. 343.

(**) *Schözers Leben Abschnitt IX. 167—69.* Такъ онъ самъ описываетъ свое предпріятіе, говоря Тауберту о недостаткахъ

сильно вооружался Ломоносовъ (*). Но большее знакомство съ Русскимъ языкомъ принудило Шлецера отказаться отъ своего мнѣнія; потому, хотя онъ и говоритъ, что языкъ Варяговъ остался въ преимущественномъ употребленіи въ Новгородѣ; однако же прибавляетъ далѣе: «надо полагать, что Руссовъ, т. е. Шведскихъ Норманновъ было очень не много по соразмѣрности съ туземцами, что изъ смѣшенія обоихъ языковъ, различныхъ между собою, не произошло никакого новаго нарѣчія» (**); хотя прежде онъ и говорилъ, что ихъ было такъ много, что они могли завоевать многочисленныхъ туземцевъ. Последнее мнѣніе Шлецера о языкѣ представляется не послѣдовательнымъ съ первымъ предположеніемъ; въ этомъ случаѣ фактъ собственно своею силою отстоялъ себя отъ насилья гипотезы.

Далѣе въ лѣтописи встречаемъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: съ пришествія Варяговъ, отъ тѣхъ прозвася Русская земля, Новгородци: тѣ

граматики Ломоносова. Таубертъ сказалъ ему: Schreiben sie selbst eine rußische Grammatik, die Academie soll sie drucken lassen. Ich nehme den Auftrag an. Цель его состояла въ томъ, чтобы сравнить Русскій языкъ mit seinen vielen verwandten Dialecten. Ich handelte die Verwandtschaft des rußischen mit dem deutschen, lateinischen und griechischen u. s. w.

(*) Ломоносовъ приводитъ слѣдующій примѣръ производства словъ изъ этой грамматики: бояринъ отъ барана, дурака; дѣва отъ dieb, tief и tiffe, сука; Князь отъ knecht и т. п. «Изъ сего заключать должно, какихъ глупыхъ пакостей не наколобродить въ Рос. древностяхъ такая въ нихъ допущенная скотина!» восклицаетъ вспыльчивый Ломоносовъ. Очерки Россіи В. Пассека. Кн. II. 1840 стр. 46.—(**) I. 343.

суть людие Новгородци отъ рода Варяжска ,
 прежде бо быша Словени (*). Въ нѣкоторыхъ спис-
 скахъ прибавлено : и до днешняго дни отъ рода
 Варяжска (**); въ другихъ (***) это объясняется
 такъ : иже суть Новгородскіе люди и до днешняго
 дни , прежде бо нарицахуся Словене , и нынѣ
 Русь отъ тѣхъ Варяговъ прозвашася. И такъ изъ
 указанія древнѣйшихъ списковъ можно заключать,
 что Новгородцы потомки пришлыхъ Варяговъ ; позд-
 нѣйшіе, напротивъ, говорятъ только, что отъ нихъ
 они назывались Руссами , вмѣсто прежняго своего
 имени Славяне. Возникаетъ вопросъ, какое принять
 мнѣніе ? Шлецеръ, не построивая вопроса и не за-
 мѣчая разнорѣчія, отвѣчаетъ утвердительно : « Ва-
 ряги долгое время составляли большую часть жи-
 телей Новгородскихъ, почему и языкъ ихъ (древне-
 Шведскій) остался здѣсь въ преимущественномъ
 употребленіи. Сильная привязанность Новгород-
 цевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе сред-
 няго вѣка часто выказывается сверхъ мѣры, застав-
 ляетъ также заключать, что они Варяжскаго проис-
 хожденія (****).» Вслѣдствіе сего основныхъ началъ
 Новгородскаго устройства искали между Герман-
 скими народами и преимущественно въ устройствѣ
 городовъ Ганзеатическихъ (*****). Но подобныя по-
 пытки не могли удался. Уже Карамзинъ говоритъ :
 « не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ ,
 но въ первобытномъ составѣ всѣхъ державъ народ-

(*) Лавр. 12. (**) Архивг. Поет. 1 и 2. Шлец. Пест.
 I. XXI. (***) Никол. и Алат. Шлец. Ibid.

(****) Шлец. Пест. I. XX. стр. 342—3.

(*****) Напр. Müller's Saml. 12. Gefiß. V. 565—6.

ныхъ, надлежитъ искать образцовъ Новгородской политической системы (*) » ; и еще болѣе можно прибавить , въ устройствѣ древнихъ Русскихъ и Славянскихъ городовъ.

Если въ устройствѣ Новгорода видны слѣды Германскаго вліянія , то, безъ сомнѣнія , подобныя слѣды должны быть видимы и въ ихъ законахъ. Одно предположеніе необходимо условливаетъ другое. Шлецеръ считалъ Русскую Правду законами , Ярославомъ данными Новгороду, какъ думали многіе (**) ; потому и долженъ былъ предположить въ ней не только сходство , но даже заимствованіе нѣкоторыхъ постановленій изъ законовъ Скандинавскихъ. Но онъ самъ не сдѣлалъ никакихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ и потому свое предположеніе считаетъ доказаннымъ рѣчью Струве. « Коллежскій Совѣтникъ Струве », говоритъ онъ, « доказалъ сходство Русской Правды съ древнѣйшими Шведскими и Датскими законами » (***). Мнѣніе Струве уже достаточно опровергнуто Эверсомъ (****). Онъ говоритъ : « Ютскіе законы введены уже въ 1240 году, 223-мя годами спустя послѣ Русской Правды и потому не могли служить ей основаніемъ. При ихъ сочиненіи употреблено было Шонское уложеніе, изданное Ерикѣмъ (ум. 1103.), которое можетъ 100 годами Правды. » Сходство Правды съ Германскими законами среднихъ вѣковъ никакъ не можетъ быть объяснено заимствованіемъ , которое предполагаетъ Шлецеръ на основаніи своего перваго предположенія.

(*) VI. 124. (**) О Русс. Правд. А. Попова. Введен.

(***) Несторъ. I. 324 (****) Критич. изслѣд. стр. 91 и 2.

Въ такомъ видѣ и такъ послѣдовательно развивается первоначальная гипотеза Шлецера, заключающаяся въ томъ, чтобы объяснить лѣтописныя данныя и создать науку Русской исторіи по образцу исторій народовъ западной Европы. Существенными положеніями, которыя ему слѣдовало утвердить и оградить всѣми доводами исторической критики, ибо на нихъ зиждилось зданіе науки, были слѣдующія: доказать разнородность въ отношеніи къ Славянамъ, не Славянское происхожденіе пришлаго племени Варяго-Руссовъ и то, что они завоевывали туземцевъ. Въ такомъ видѣ строгость науки требовала построить первое положеніе, но мы видѣли, что Шлецеръ иногда жертвовалъ ею вслѣдствіе своего практическаго характера, часто увлекавшагося временными движеніями ученыхъ вопросовъ. Потому это положеніе у него прѣвратилось изъ общаго въ частное, и онъ хотѣлъ доказать не только разнородное въ отношеніи къ Славянамъ происхожденіе Варяговъ-Руси, но непременно Германское, и еще частиѣе, защищая своихъ предшественниковъ, Шведское. Вслѣдствіе такого предположенія утвердилось одно изъ началъ, имѣя положенныхъ въ основу науки Русской исторіи: она также условливалась, какъ и всѣ другія, взаимнымъ совмѣщеніемъ и воздѣйствіемъ двухъ разнородныхъ началъ. Но это предположеніе еще не имѣло достаточной силы, чтобы утвердить постоянную аналогію Русской исторіи съ исторіями племенъ Германскихъ. Она могла развиваться иначе, если соотношеніе разнородныхъ племенъ было иное, нежели въ другихъ государствахъ. Чтобы весь ходъ Исторіи совершался по однимъ и тѣмъ же зако-

намъ и въ томъ же видѣ, необходимо было доказать не только разнородность составныхъ частей, но и то же самое соотношеніе между ними, какое существовало между разнородными стихіями, вошедшими въ составъ жизни Европейскихъ народовъ. Это соотношеніе вездѣ выражалось *завоеваніемъ*; для того, чтобы построить по принятому образцу науку Русской исторіи, Шлецеру следовало и предположить и доказать у насъ завоеваніе. И онъ доказываетъ это; но нигдѣ разногласіе между гипотезою и рассказомъ лѣтописи не была такъ сильна, какъ въ этомъ случаѣ. Гипотеза принуждаетъ Русскую исторію начаться завоеваніемъ, лѣтопись рассказываетъ о мирномъ призваніи. Противорѣчіе разительное: имъ могъ пожертвовать Шлецеръ въ пользу гипотезы, но не могъ его не замѣтить. Вслѣдствіе сего въ немъ самомъ образовалось противорѣчіе и высказалось въ то время, когда трудъ его уже былъ доведенъ до половины. Шлецеръ началъ издавать своего Нестора для Нѣмцевъ, не думая, какъ самъ говоритъ, чтобы онъ проникъ и имѣлъ какое-нибудь дѣйствіе въ Россіи (*). Изданіе уже было доведено до княженія Олега, какъ онъ получилъ извѣстіе о переводѣ и томъ лестномъ приѣмѣ, который заслужилъ его трудъ у насъ. «Только съ этихъ поръ я начинаю писать и для Русскихъ», замѣчаетъ Шлецеръ; и далѣе, въ новомъ введеніи, говоря объ основаніи государства, перечисляетъ шесть племенъ: «которымъ принадлежитъ славное названіе *свободныхъ основателей Русскаго государства* (**).» Въ этихъ

(*) Нест. Шлец. II. 167. — (**) Ibid. II. 166.

словахъ уже высказывается мнѣніе, противоположное первому. Наконецъ въ другомъ мѣстѣ Шлецеръ говоритъ прямо: «большая часть великихъ державъ въ свѣтѣ составила завоеваніемъ или невольно, а немногіе, какъ на прим. Римъ, случайнымъ стеченіемъ. Но Русская держава возникла *совсѣмъ иначе*: пять народовъ или, лучше сказать, народцевъ, разбѣянныхъ на большомъ пространствѣ земли и различающихся одинъ отъ другаго даже языкомъ, каждый *добровольно*, правда, понуждаясь необходимостію и опасностію, однакожь не какимъ-нибудь Немвродомъ, вступаютъ между собою въ союзъ и по *взаимному согласію* избираютъ себѣ начальниковъ изъ шестаго народа (*).» Если Русское государство основано не такъ, какъ были основаны другія государства Европы, не завоеваніемъ, но добровольнымъ призваніемъ, то самъ собою уже возникаетъ вопросъ: могутъ-ли быть приложены къ Русской исторіи основныя начала Шлецеровой критики, начала заимствованія и аналогіи съ племенами Германскими? Если Русская исторія началась иначе, нежели всѣ другія, то по какому же праву можно ихъ сравнивать между собою и одну объяснять другими? Безъ всякаго сомнѣнія, на эти вопросы долженъ бы Шлецеръ отвѣчать отрицательно, если бы въ замѣну одной части имъ уже самимъ разрушенной гипотезы не оставалась другая; во всякомъ случаѣ, въ составъ Русской жизни вошли разнородные элементы и одинъ изъ нихъ былъ элементъ Германскій. Это послѣднее предположеніе давало возможность продолжаться далѣе

(*) Исторія Шлец. II. 166.

Шлецеру труду на основаніи тѣхъ же, хотя и ослабленныхъ, началъ критики. Но между тѣмъ паденіе основной мысли не могло не имѣть вліянія на общій характеръ его труда. И точно съ этого времени, т. е. начиная съ княженія Олега, или съ тѣхъ поръ, какъ говоритъ Шлецеръ, когда онъ началъ писать и для Русскихъ, совершенно измѣнился видъ его изслѣдованій. Для того, чтобы опредѣлить отношеніе послѣднихъ томовъ его Нестора къ первымъ, первоначальнаго характера его воззрѣнія на Русскую исторію къ послѣдующему, соберемъ въ одно цѣлое все, что до сихъ поръ было нами сказано о первой половинѣ Шлецера труда.

VI.

«Замѣчательнѣе всего», говоритъ Венелпизъ, «что ни одинъ изъ Европейскихъ, не-Славянскихъ народовъ не задавалъ себѣ вопроса о происхожденіи своего племени» (*). Ни одинъ народъ, у котораго правильно, изъ своеземной жизни развилась наука, и не могъ задать себѣ такого вопроса. Но дѣло шло о племени пришломъ, о которомъ существовали разнорѣчія въ сказаніяхъ лѣтописи. Не станемъ предполагать, чтобы только незнаніе языка первымъ нашими профессорами Русской исторіи, которые не могли читать источниковъ и

(*) Скандинав. Москов. Наблюд. Окт. 1836 г. кн. 2. 411.

потому остановились на первых строках времени, заставило такой вопрос сдѣлаться основнымъ въ то время въ наукѣ Русской исторіи. Безъ сомнѣнія, этотъ вопросъ если не случайный, то во всякомъ случаѣ второстепенный (*) въ области науки; но въ историческомъ отношеніи онъ имѣетъ свою цѣну и значеніе. Направленіе жизни и науки того времени условливалось его происхожденіемъ и исключительное господство на счетъ всѣхъ другихъ, болѣе важныхъ и существенныхъ вопросовъ нашей исторіи.

Переворотъ, произведенный Петромъ Великимъ, вывелъ Россію изъ того исключительнаго круга, въ которомъ вращалась ея жизнь до его времени. Оторвавшись отъ вѣковыхъ преданій, поставивъ вѣкъ себя свою же исторію, освободивъ свое сознаніе отъ всякаго содержанія, доставшагося ей въ наслѣдіе отъ прошедшаго, нужно было чѣмъ-нибудь наполнить его настоящую пустоту. И жаждающему взгляду вдругъ открылась и Европейская жизнь со всеми ея удобствами и Европейская наука, вѣками опыта возведенная на высокую степень образованія. Не испытавъ уроковъ жизни, не трудясь долго и неутомимо для выводовъ науки, мы вдругъ хотѣли воспользоваться плодами долгой и трудной Европейской жизни. Возникло новое образованіе, основанное на простомъ подражаніи; съ безпримѣрною быстротою мы усвоили всѣ пріемы и образы Европейскаго просвѣщенія; съ безпримѣрною ловкостію поняли его значеніе и силу. Та

*) Г. Максимовичъ, Москвит. 1845 г. Письмо къ редактору о Словѣ о полку Игоревѣ.

часть Русскихъ, которую увлекло за собою новое направленіе, ушла далеко впередъ, или, лучше сказать, только ушла далеко и отъ своей прошлой исторіи и отъ той части Русскихъ, которая не такъ легко мѣняетъ убѣжденія и живетъ перазлучно съ прошедшимъ, не смотря на то, что принадлежитъ столько же ему, сколько настоящему и будущему, — отъ народа. Ученая дѣятельность, возникшая въ новой Россіи, тѣсно связалась съ историческимъ ходомъ Европейской науки, и потому отошла въ сторону отъ народной жизни. Какимъ же образомъ она могла дѣйствовать на Русскую исторію? Она должна была ввести ее въ тотъ кругъ, къ которому сама принадлежала, должна была подчиниться общему ходу историческихъ наукъ въ Европѣ, выработать при свѣтѣ тамъ существовавшихъ правилъ и законовъ, отыскать въ ней тѣ же начала и тотъ же ходъ развитія. Такое направленіе главнѣйшимъ, средоточнымъ образомъ выразилось въ трудахъ Шлецера. Для того, чтобы Русская исторія вошла въ общій кругъ съ исторіями Европейскихъ народовъ, необходимо было доказать ея сродство съ ними. Предположеніемъ, что пришельцы Варяги были Германскаго происхожденія, это сродство доказывалось непреложно. Если отношеніе племени пришедшаго къ туземцамъ было то же самое, какъ и въ другихъ странахъ, то, безъ сомнѣнія, и ходъ историческій въ Россіи, условленный симъ отношеніемъ, долженъ быть сходенъ съ историческимъ ходомъ народовъ Германскихъ. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ появленія науки Русской исторіи, независимо отъ фактовъ, рядомъ съ ними образовались два предположенія, которыя нужно было

согласить съ фактами, съ рассказомъ лѣтописей. При самомъ началѣ наука Русской исторіи рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ; нигдѣ не было такого разрыва и противорѣчія между наукою исторіи, ученымъ сознаніемъ народной жизни и самою народною жизнію прошлаго, въ преданіяхъ сохраняемою, и настоящею жизнію народа, хранящаго преданіе. Вездѣ изъ глубины самой народной жизни, полной хотя и безсознательнаго, но живаго содержанія, возникало сознаніе и создавалась наука. Наука же Русской исторіи своимъ происхожденіемъ обязана чуждому вліянію и при самомъ рожденіи получила въ даръ принесенныя изъ чужа и готовыя начала и готовые законы историческаго развитія, которые оставалось только приложить къ роднымъ преданіямъ, къ рассказамъ своихъ лѣтописей.

Какія же изъ того произошли послѣдствія?

Исторія каждаго народа имѣетъ свои темныя времена, которыя могутъ быть объяснены только временами послѣдующими и общимъ характеромъ народа; свѣтлыя времена нашей исторіи были темны для нашихъ первыхъ ученыхъ, болѣею частию иностранцевъ, не понимавшихъ языка лѣтописей. Внутренній характеръ народа, съ которымъ они не могли имѣть никакаго сочувствія, былъ для нихъ еще темнѣе. Потому насъ поражаетъ невольно неестественное явленіе: древнія времена Россіи отдѣляются отъ всей исторіи и составляютъ отдѣльное цѣлое. Всѣ требованія, всѣ задачи, которыя Шлецеръ задавалъ всей Русской исторіи, относились только, какъ мы видѣли выше, къ его личному предпріятію — обработать древнюю Русскую

исторію. Эта исторія сомкнулась въ отдѣльную область, независимую, не повѣряемую и не объясняемую остальною исторіею того же народа, но напротивъ исторіями другихъ, чуждыхъ ему племенъ. Область темная сама по себѣ, и еще болѣе затемненная личными мнѣніями, набросанными въ нее безъ всякаго порядка, даже въ самыхъ лѣтописяхъ. Шлецеръ хотѣлъ создать новый міръ изъ этого хаоса. Но въ немъ заключались два элемента: самой жизни Русскаго народа и личныхъ мнѣній. Первый элементъ не могъ составить отдѣльнаго цѣлаго; его смыслъ и объясненіе заключались въ общемъ зданіи Русской исторіи, отброшенной въ сторону новымъ направленіемъ. И такъ Шлецеръ могъ только разсѣять хаосъ мнѣній, очистить ихъ отъ всякой случайности, и умозрительно, по общимъ началамъ критики, построить въ одно цѣлое и назвать его именемъ науки Русской исторіи. Такимъ образомъ, въ смыслъ Шлецера, наука Русской исторіи не вытекала изъ фактовъ, но независимо отъ нихъ создавалась умозрительно изъ частныхъ мнѣній, очищенныхъ сполною ученой критикой. Любопытны въ этомъ отношеніи собственныя слова Шлецера въ его автобіографіи: таковъ былъ планъ его труда надъ Русской исторіею: *das Erste: Gedanken über die Art die alte russische Geschichte zu behandeln. Hauptthema: sie könne noch nicht studirt, sondern müsse erst erschaffen werden* (*). И въ 20 лѣтъ обѣщаетъ созданіе этой исторіи. Слѣдствіемъ такого направленія было то, что вся внутренняя сторона исторіи построилась отвлеченно и независимо отъ фак-

(*) *Schötzers Leben. Ab. X. (67) ст. 206.*

товъ, на основаніи общихъ началъ критики. Потому всякая мысль историческая превратилась въ гипотезу, которая не вытекала изъ фактовъ историческихъ, но должна была къ нимъ прилагаться. Наука Русской исторіи сдѣлалась рядомъ такихъ гипотезъ, послѣдовательно вытекавшихъ одна изъ другой. Вся обработка фактовъ состояла въ томъ, чтобы пригнать ихъ подъ общую мѣрку гипотезы. Самый способъ пониманія лѣтописи и ея объясненія совершался подъ симъ условіемъ: что противорѣчитъ гипотезѣ, то ложно въ лѣтописи, не принадлежитъ ему, по писцу, и вставлено безтолковыми переписчиками. Таковы общія правила Шлецеровой критики. Первая половина его Нестора въ отношеніи къ наукѣ Русской исторіи представляетъ рядъ послѣдовательно развивающихся гипотезъ, и въ отношеніи къ обработкѣ фактовъ для зданія науки: очищеніе сказаній лѣтописи подъ условіемъ гипотезы. Но весь рядъ гипотезъ, составлявшихъ содержаніе древней Русской исторіи, условливался первоначальною гипотезою о завоеваніи; потому въ слѣдъ за ея разрушеніемъ, разрушился самъ собою. Обломками основнаго предположенія оставались еще два: о дикости туземныхъ племенъ и о Германскомъ происхожденіи пришельцевъ. Но если взаимное соотношеніе сихъ элементовъ Русской жизни было иное, нежели въ племенахъ Германскихъ, то и самый ходъ историческаго развитія, имъ обусловливаемый, долженъ былъ измѣниться. Прерванный рядъ Шлецеровыхъ гипотезъ уже не могъ изъ тѣхъ же началъ возникнуть снова; могла продолжаться только критика источниковъ, очищеніе вѣншей стороны источниковъ; внутренняя

же сторона исторіи, ея смыслъ и содержаніе оставался необъясненнымъ. Чтобы понять и то и другое, требовались новыя начала. Это требованіе выразилъ Шлецеръ, но не выразилъ самыхъ началъ и не могъ выразить; иначе разрушилъ бы до основанія все зданіе, имъ же построенное. Говоря и утверждая въ началъ, что все развитіе внутренней жизни, все просвѣщеніе земли Русской условливалось Германскими пришельцами, онъ въ предисловіи ко второй половинѣ своего труда уже прибавляетъ: «не смотря однако же на это, люди сѣи, все еще отдѣленные отъ просвѣщенныхъ народовъ, могли долго оставаться въ глубокомъ невѣжествѣ; ибо просвѣщеніе, занесенное въ сѣи пустыни Норманнами, было не лучше того, какое лѣтъ 120 тому назадъ Европейскіе казаки принесли къ Камчадаламъ. Но тутъ Олегъ перешелъ въ Кіевъ и подвинулся къ пріятному югу. Тутъ сильныя побужденія къ просвѣщенію возникли отъ Царьграда; сильнѣйшимъ же было введеніе Хрістіанской вѣры» (*). И такъ Шлецеръ чувствовалъ, что обломки первой, имъ же самымъ разрушенной гипотезы, не могли лечь въ основу науки Русской исторіи; что на ихъ основаніи нельзя ни понять внутреннихъ началъ Русской жизни, ни провести ихъ послѣдовательнаго развитія по всѣмъ даннымъ сказаніямъ лѣтописи. Принявши первоначально за основное начало историческаго развитія и просвѣщенія Россіи вліяніе Германскаго племени, онъ вдругъ отказывается отъ своей мысли, и все просвѣщеніе, всѣ историческія преданія древней Руси соединяетъ съ Византіею.

(*) Нест. II. стр. 180 и 81.

Необходимымъ выводомъ изъ сего новаго положенія могъ быть слѣдующій: до введенія Хрістіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ до начала Византійскаго вліянія жизнь Русскаго народа не заключаетъ въ себѣ данныхъ, на которыя могла бы опереться наука; она вся выходитъ изъ ея области и представляетъ одно введеніе въ исторію, какъ представляли прежде, съ точки зрѣнія первоначальной Шлецеровой гипотезы, рассказы лѣтописи о происшествіяхъ до пришествія Варяговъ. Но этотъ выводъ разрушилъ бы еще одну часть гипотезы: значеніе пришлаго племени и стало бытъ вопросомъ о его происхожденіи потерялъ бы всю историческую важность. Можетъ быть, логически послѣдовательный Шлецеръ и пришелъ бы къ такому заключенію; но смерть прервала его трудъ и онъ остановился, не достигнувъ конца перваго періода Русской исторіи, введенія Хрістіанства.

Такимъ образомъ, вторая половина Шлецерова Нестора уже не представляетъ новыхъ выводовъ изъ прежнихъ гипотезъ; она состоитъ только изъ критической оцѣнки лѣтописныхъ сказаній. Шлецеръ, по прежнему, возстановляетъ текстъ лѣтописи, оцѣниваетъ достовѣрность преданій, очищаетъ вѣшнюю сторону исторіи, факты, не замѣчая въ нихъ и не внося никакой мысли. Вся внутренняя сторона исторіи осталась въ сторонѣ; каждое явленіе, свидѣтельствующее о нѣкоторой степени просвѣщенія народа, ему представляется сомнительнымъ. Такъ онъ, не отрицая прямо подлинности договоровъ съ Греками, вмѣстѣ съ тѣмъ и не принимаетъ, а только сомнѣвается. Этотъ сомнѣвающийся, скептическій характеръ принимаетъ вся критика Шле-

цера. Уже нѣтъ прежняго смѣлаго хода мысли, которая прямо, разрушая сказанія лѣтописи, полагаетъ на ихъ мѣсто выводы изъ гипотезы; уничтожая дѣйствительную Русскую исторію, строитъ воображаемую. Самъ Шлецеръ еще колеблется между утвержденіемъ и отрицаніемъ; но если свести въ общій итогъ всѣ его изслѣдованія и спросить, что-же положительно достовѣрнымъ признаетъ ученая критика въ древней Русской исторіи, то окажется только нѣсколько хронологическихъ данныхъ, извѣстій о войнахъ и набѣгахъ и нѣкоторыя имена; все остальное или прямо сказка, или дѣло сомнительное. Такимъ образомъ скептическое направленіе представляется необходимымъ выводомъ изъ трудовъ самого Шлецера.

Отодвинувъ до введенія Хрістіанства начала внутренняго развитія Русской жизни и тѣмъ разрушивъ весь ходъ исторіи до этого времени, Шлецеръ той же участи обрекалъ и послѣдующій періодъ. Не было причинъ остановиться разъ начавшемся отрицанію, и если Шлецеръ самъ не пришелъ къ такому заключенію, то къ нему должны были придти его послѣдователи, строго слѣдуя данному направленію. Церковные уставы, Русская Правда, и наконецъ всѣ свидѣтельства лѣтописи въ пользу нѣкоторой степени просвѣщенія, и даже самая лѣтопись, должны были показаться сомнительными. Если время до самаго крещенія Россіи не входитъ въ науку исторіи и объясняется только единственнымъ предположеніемъ о дикости племенъ, въ ней обитавшихъ, послѣднимъ остаткомъ первоначальной Шлецеровой гипотезы; то какъ могло вдругъ, безъ постепенности и приготовленія, начаться просвѣ-

щеніе. Начало Русской исторіи должно было отодвинуть еще далѣе, и весь періодъ до 12-го и даже 13-го вѣка уничтожить для науки. Это и сдѣлалъ Профессоръ М. Т. Каченовскій. Продолжая послѣдовательно отрицательное направленіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ непослѣдовательно полагаетъ предѣлъ, — извѣстный вѣкъ, далѣе котораго оно продолжаться не можетъ.

Происхожденіе отрицательнаго направленія въ науки Русской исторіи зависѣло отъ того, что въ ней хотѣли найти повтореніе одной изъ исторій западныхъ народовъ. Основныя начала, тамъ выразившіяся, явленія жизни дѣйствительной и правила науки, хотѣли найти и приложить къ Русской исторіи. Но этотъ опытъ не удался Шлецеру въ отношеніи къ первымъ вѣкамъ; почему же онъ могъ быть удачнѣе въ отношеніи къ вѣкамъ послѣдующимъ? Если призваніе не похоже на завоеваніе и раздача областей Рюрикомъ своимъ мужамъ на феодализмъ, то удѣльная система еще менѣе похожа на него, равно и вліяніе Византизма на власть Папъ, служилое сословіе на аристократію и т. п. Отрицаніе не могло остановиться и должно было выразиться въ одномъ изъ двухъ положеній.

Или основная мысль направленія, стремившагося къ Русской исторіи приложить начала исторической науки, выведенныя изъ изслѣдованій исторіи западныхъ народовъ, вовсе неприменима къ исторіи Русской;

Или она должна была весь періодъ Русской жизни, не похожій на жизнь Европы, уничтожить для науки и сказать, что исторія Россіи начинается

только съ того времени, когда она пришла въ непосредственную связь съ Западомъ.

Послѣднее положеніе, уничтожая исторію народа, должно было уничтожить и возможность самой науки, потому и не могло быть принято ею. Наукъ извѣстны были и рядъ прошедшихъ событій и рядъ памятниковъ, сохранившихъ воспоминаніе о нихъ, и наконецъ логическая невозможность настоящаго безъ связи съ преданіями прошлаго. Но то, что должно быть извѣстнымъ наукъ, могло не быть извѣстнымъ личному мнѣнію, и ничто не мѣшало ему высказать мысль, ею отвергнутую. Исторія Россіи начинается только съ эпохи преобразованія. Этотъ послѣдній выводъ скептическаго направленія слышится у насъ; эта мысль однако же не принадлежитъ наукъ; на ней такъ ярко отпечатаны слѣды невѣжества, что опровергать ее не слѣдуетъ.

Какъ первое положеніе не могло выразиться въ строго-логической полнотѣ, не будучи отвергнуто наукою, такъ и второе не могло развиться до послѣдней крайности, не отринувши совершенно Шлецерова направленія. Самъ Шлецеръ еще колебался между отрицаніемъ факта и признаніемъ гипотезы. Въ слѣдъ за симъ, съ одной стороны началось направленіе, постоянно отрицавшее одинъ за другимъ отдѣльныя явленія и эпохи нашей исторіи; ему противоборствуя, могло съ другой стороны возникнуть движеніе мысли, признавшей гипотезу и отдѣльныя историческія явленія, которыми можно было доказывать гипотезу. Но гипотеза, какъ основное начало науки Русской исторіи, была уже разрушена самимъ Шлецеромъ; оставались отдѣльные ея обломки, изъ которыхъ одинъ:

о дикости племенъ, населявшихъ Россію, достался въ наслѣдство скептическому направленію; другой: о Германскомъ происхожденіи пришлого племени, взяло на свою долю направленіе, ему противоположное. Наслѣдники Шлецера получили раздробленныя части гипотезы, которыя уже не могли сдѣлаться основаніемъ науки Русской исторіи, но превратились въ личныя мнѣнія. Потому послѣднее движеніе мысли, защищая отдѣльные факты, или развивая личныя предположенія и мнѣнія, не могло образовать стройнаго направленія и создать науку Русской исторіи. Для того нужно было замѣтить новыя начала въ жизни Русскаго народа, съ новой точки зрѣнія обработать факты и, не придавая имъ насильственно смысла, вывести и обнаружить тотъ, который въ нихъ заключался; между тѣмъ какъ ихъ начала и точка зрѣнія не восходили выше остатковъ Шлецерава взгляда, а обработка фактовъ происходила съ одностороннею цѣлію—только защитить ихъ отъ нападенія скептиковъ. Такимъ образомъ скептицизмъ и отрицаніе, вытекаая послѣдовательно изъ началъ науки Русской исторіи, созданной Шлецеромъ, могли образовать и образовали особое направленіе; между тѣмъ какъ ихъ противники, придерживаясь случайно сохранившихся остатковъ Шлецерава взгляда и вооружаясь противъ послѣдовательнаго развитія его направленія, не могли и не составили никакого направленія. Они высказали свои мнѣнія и изслѣдованія въ многочисленныхъ трудахъ, изъ которыхъ многіе занимаютъ важное мѣсто въ области историческихъ изслѣдованій, приготовительной въ отношеніи къ наукѣ; но не высказываютъ ни одного

общаго начала, не строятъ, даже и не предлагаютъ ни одного общаго историческаго вопроса. Многіе изъ нихъ особенно замѣчательны изслѣдованіями объ отдѣльныхъ явленіяхъ Русской исторіи, и этою стороною они уже выходятъ изъ своего круга и входятъ въ область другаго направленія, постоянно существовавшаго рядомъ съ тѣмъ, которое по преимуществу отразилось въ Шлецеръ, и которое въ отношеніи къ нему можетъ быть названо *положительнымъ*. Въ то время, когда Шлецерово направленіе одно за другимъ разрушало отдѣльныя явленія Русской жизни и наконецъ угрожало разрушеніемъ цѣлой исторіи, оно въ свой чередъ тщательно открывало, хранило и обнародывавало все, что могло напомнить новой Россіи о забытой ея же прежней исторіи. Это направленіе выражалось въ многочисленныхъ изданіяхъ древнихъ грамотъ и документовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ попыткахъ воссоздать цѣлый обликъ Русской исторіи. Довольно упомянуть объ изданіяхъ Новикова, Гр. Румянцова и въ послѣднее время Археографической Коммиссіи и отдѣльныхъ Обществъ, чтобы увидѣть, какъ важно это направленіе. Стоитъ вспомнить, что попытка Щербатова и Татищева повторена Карамзинымъ въ его Исторіи Государства Россійскаго. Этотъ послѣдній трудъ, рядомъ съ собраніями древнихъ документовъ и нѣкоторыми отдѣльными изслѣдованіями, служитъ основнымъ выраженіемъ положительнаго направленія. Не имѣя возможности по самой задачѣ нашего разсужденія говорить подробно объ Исторіи Карамзина, мы не позволимъ себѣ въ немногихъ словахъ произнести судъ произведенію значительному. Скажемъ только,

что онъ прямо противоположенъ отрицательному направленію. (*)

(*) Приведу отрывокъ изъ письма А. П. Тургенева (20/8 Октяб. 1844), въ которомъ онъ выписываетъ мѣста изъ писемъ къ нему Н. М. Карамзина, объясняющія взглядъ исторіографа на труды Шлецера. «Взявши изъ моего литературнаго запаса (говоритъ А. П. Тургеневъ) письма Карамзина, въ первомъ попавшемся на глаза читаю слѣдующее: (отъ 1808. 26 Сентября) «очень благодарю васъ за обѣщаніе доставить мнѣ Шлецера»; а 15 Октября 1809 г., вотъ что писалъ мнѣ Карамзинъ изъ Москвы въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я извѣщалъ его о кончинѣ Шлецера: «истинно сожалею о Шлецерѣ не только въ отношеніи къ наукамъ, какъ собственно ко мнѣ, или къ моему труду. Онъ такъ усердно занимался Русскою исторіею. Если получите продолженіе его Нестора, то дайте мнѣ взглянуть на это послѣднее произведеніе знаменитаго критика». — Я послалъ ему листы, по кончинѣ Шлецеровой мною изъ Геттингена полученные, и 3-го Апр. 1810 г. Карамзинъ мнѣ писалъ: «благодарю за Шлецера Нестора;—старикъ оживился передъ смертію, отвѣчая нашему Буле и брани Эверса; остальное не важно. Напрасно онъ такъ возвышаетъ сказанія Льва Діакона. Кедровы и Зонарины подробите, а въ основаніи тѣ-же. Левъ только означаетъ лездѣ число,—едва-ли не изъ воображенія». Если бы я писалъ комментаріи на ученые труды Шлецеровы, то при всей моей къ нему почтительной привязанности, я бы осмѣлился объяснить, почему Шлецеръ не всегда справедливо оцѣниваетъ Византійскіе источники, изъ коихъ почерпалъ онъ свѣдѣнія о Россіи. Шлецеръ пользовался только одними выписками изъ Византійцевъ Штриттера и едва-ли перебиралъ самихъ Византійцевъ, подобно нашему неумоимому Кругу». — А. П. Тургеневъ (вмѣстѣ съ Кайсаровымъ) былъ ученикомъ Шлецера и находился изъ Геттингенъ въ то время, когда Шлецеръ приступилъ къ изданію Нестора. Въ письмѣ отъ 3-го Апрѣля 1810 г. Н. М. Карамзинъ писалъ къ Тургеневу вообще о Шлецеровомъ Несторѣ: «для кого его трудъ? для семи или восьми любопытныхъ; да и пользы не много. Изъясненіе и переводъ текста

VII.

Такимъ образомъ направленіе Шлецера въ его послѣдователяхъ развилось до возможныхъ для него крайностей, уничтожило само себя и чрезъ то уничтожилось и въ наукѣ Русской исторіи.

Да не подумаетъ кто-либо, чтобы, говоря это, мы хотѣли унижить заслуги Шлецера. Нѣтъ; не смотря на то, что его направленіе не соответствуетъ наукѣ Русской исторіи въ томъ видѣ, какъ ее слѣдуетъ теперь понимать; не смотря на то, что оно прошло и не можетъ быть возобновлено, оно было важно въ свое время и соответствовало ему.

Если обратимъ вниманіе на состояніе науки въ Германіи во времена Шлецера, то замѣтимъ, что незадолго передъ нимъ отрицательный характеръ протестантизма, обращенный прежде на жизнь дѣйствительную и отдѣльныя отрасли знанія, вошелъ окончательно въ область науки и образовалъ полное направленіе. Разрушая старое, историческія преданія, онъ мнилъ по однимъ законамъ отвлеченнаго разума создать новое. Если съ этой точки зрѣнія взглянемъ на Шлецера, то увидимъ, что онъ представляетъ типическій характеръ протестанта и раціоналиста, доведенный до крайности, во сколько онъ въ его время могъ быть доведенъ до крайности. Въ это время самъ критицизмъ еще

весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія даже Нестора; а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новость для ученыхъ ».

заключалъ въ себѣ увлеченіе; отрицаніе и разрушеніе всего стараго не творило никакихъ новыхъ началъ, которыя хотя бы временно могли утолить въ человѣкѣ жажду познанія истины; но все таки увлекало личность человѣка все-сокрушающею силою самого отрицанія. Оно не признавало еще, что одною своею силой не можетъ привести ни къ какимъ положительнымъ началамъ, ни къ какому вѣрованію, ни къ какому знанію; кругъ его еще не былъ совершенъ, еще не вся жизнь, не вся дѣйствительность настоящаго и прошедшаго была имъ взвѣшена, оцѣнена и отринута. Оно не признавало себя какъ отрицаніе, но только какъ постоянно отрицающую силу, которая при каждомъ дѣлѣ отрицанія предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что существуютъ еще предметы, на которые можетъ распространиться ея дѣятельность. Такое противорѣчіе постоянно увлекало это направленіе впередъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло возможность временнаго успокоенія ему преданнымъ лицамъ.—Это было время развитія личныхъ мнѣній, личныхъ системъ. Мысль о человѣческой личности, развитая по преимуществу Германскими племенами, (въ противоположность началамъ общимъ, единящимъ и жизнь общественную и разнородныя знанія и вѣрованія отдѣльныхъ лицъ, полученныя католическимъ Римомъ еще отъ Рима древняго и имъ внесенныя въ исторію просвѣщенія новой Европы), въ это время сильно выразилась въ области религіи и знанія. То истинно, во что вѣрить и что знаетъ человѣкъ; если такое вѣрованіе или знаніе онъ согласуетъ съ дѣйствительною жизнью, то въ этомъ случаѣ достигается высшій идеаль

общественной жизни. На этомъ началъ основалась мысль о протестантской нравственности, сильно развившаяся во времена Шлецера. Это высшая религіозная мысль, до которой могъ дойти протестантизмъ и, дойдя, остановился. Съ этого времени вопросъ религіозный покинулъ жизнь дѣйствительную и, какъ предметъ знанія, перешелъ въ область науки. На чемъ остановился протестантизмъ, какъ религія, на томъ не могла остановиться протестантская наука. Но между тѣмъ, какъ отрицательное направленіе въ области науки сосредоточивалось въ полное отвлеченное отрицаніе, съ нимъ боролись еще въ это время личныя мнѣнія, личныя системы; которыя однакоже, не будучи въ силахъ противоборствовать общему направленію, разрушались прежде, нежели могли построиться въ полное цѣлое. Такую участь испытала и попытка Шлецера построить науку Русской исторіи. Не развившись до послѣднихъ крайностей, она была имъ же самымъ разрушена. Наконецъ личныя мнѣнія уступили общему направленію и разрушились всѣ. Въ области отвлеченной мысли кругъ отрицанія совершился и личность человека очутилась въ безсмысленной пустотѣ, лишенная настоящаго содержанія, оторванная отъ прошлаго и фантастически увѣренная въ сплу будущаго. Таковъ былъ послѣдній выводъ отрицательнаго направленія, теперь уступающаго мѣсто новому.

Безъ сомнѣнія, отрицательное направленіе вообще, уничтожающее науку исторіи, не должно бы было въ отношеніи Русской исторіи, даже на время удасться Шлецеру, если бы общее направленіе Русскаго просвѣщенія того времени не совпадало съ отрица-

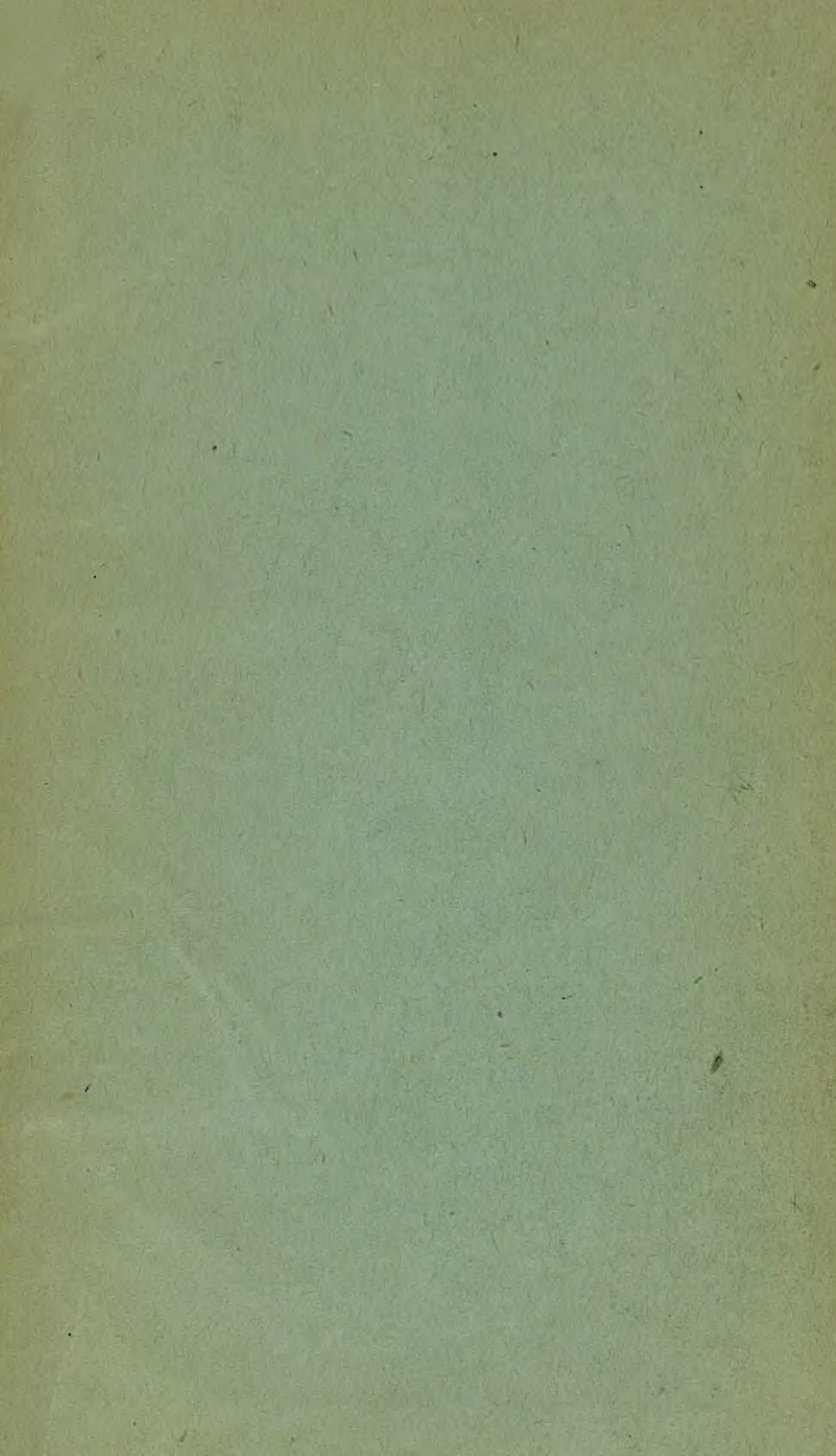
тельнымъ характеромъ Европейской науки. Это было время, которое давно уже обвиняютъ въ безусловномъ стремленіи къ подражанію всему чуждому и нашимъ преданіямъ и нашимъ естественнымъ потребностямъ. Съ тѣхъ поръ какъ совершился великій переломъ въ жизни Русскаго народа, возникло направленіе одностороннее, отрицавшее всякое преданіе, всю прошлую исторію, все свое. V Можетъ быть, оно и было необходимо для полного развитія народнаго сознанія; но оно уже прошло въ своихъ основныхъ началахъ, и только кое-гдѣ мѣлочные обломки запоздалыхъ мнѣній и дѣлъ еще свидѣтельствуютъ, что мы живемъ во время перехода и новая органическая эпоха еще впереди.

Синъ Симонъ Симонъ что ей са
 еі адвентуру симонъ Симонъ
 Симонъ Симонъ Симонъ Симонъ
 Симонъ Симонъ Симонъ Симонъ
 Симонъ Симонъ Симонъ Симонъ

Печатать позволяется. Москва, Февраля 24 дня 1847 года.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

Историческое общество. Москва. 1841 год.

2007056697